

Елена Ивахненко

КОРОЛЕВСТВО НАТАШИ КРАЮХИНОЙ

Повесть-сказка

*Но Иисус, подзвав их, сказал: пустите детей
приходить ко Мне и не возбраняйте им, ибо
таковых есть Царствие Божие;*

*Истинно говорю вам: кто не примет
Царствия Божия, как дитя,
тот не войдет в него.*

(Евангелие от Луки: глава 18, стих 16, 17)

ТАМ, ГДЕ МОЯ НАСТОЯЩАЯ МАМА

Ух ты, снега-то сколько! Все лавочки возле нашего детского садика засыпало! Аж прямо на целую мою ладонь! И все кусты во дворе заснежило. А на крыше беседки, словно еще одна крыша выросла — снеговая.

А наша воспитательница говорила, что снегу падать еще рано. Сперва праздники будут ноябрьские, а потом уже и снег. А вот и не угадала она! А еще взрослая называется. Я и то знаю, что снег нарочно пораньше выпал, чтобы праздники пришли побыстрее, и нас бы домой забрали. Потому что наша группа — круглосуточная. Других из детского садика каждый день забирают, а нас только на выходные. Или на праздники. А до праздников еще два дня. Вот сейчас варежку с руки сниму и посчитаю:

Так... Целая ладошка — это пять. Пять пальцев. Один загнуть — будет четыре. Это мне сейчас — четыре года. Но когда меня спрашивают, сколько мне годиков, я всегда полную ладошку показываю. Нет, я не вру. Я и сама знаю, что врать нехорошо. Просто хочется, чтобы побыстрее пять исполнилось. А дней в неделе от выходных до выходных тоже пять. Только эта неделя короче — четыре дня. Теперь еще палец загибаю. И еще два. Два дня осталось. Ой, мамочки, как же мне эти два дня дотерпеть?!

Пока я считала, у меня и пальцы замерзли. И во дворе темнеть стало. Теперь снег и небо одного цвета. Весь мир сейчас как будто всего двумя красками нарисован: деревья и беседки — черного цвета, а снег и небо — синего. Я сажусь на качели и гляжу, как медленно-медленно небо становится темнее снега. Словно кто-то добавляет и добавляет в него густую черную краску. А фонарь у меня над головой, наоборот, светлеет. Он весь день спал, а теперь расцвел. Какой у него цвет сейчас красивый! Когда мама в ванне марганцовку разводит, такой же цвет получается. А фонарь все бледнее и бледнее. Будто мама в ванну воды долила и марганцовку разбавила. В такой воде она меня искупает, когда домой заберет. Искупает, в полотенце завернет, и в макушку поцелует. И скажет обязательно:

— Цыпленок ты мой мокренький!

Только этого еще дожидаться надо.

Вот и совсем стемнело. Всех уже домой позабирали. А мы, которые круглосуточные, остались.

— Хочу к папе! — ревет моя подружка Маринка Ковалева.

Она бы к маме просилась, но у нее один только папа. А у меня одна мама. Но она, наверное, ненастоящая. Была бы настоящая — она бы меня каждый день из садика забирала. Я ведь так ее об этом прошу! Значит, она ненастоящая. Так чего же о ней и плакать? А настоящая моя мама, наверное, живет на звезде. Воспитательница, Анна Николаевна, говорила, что только отсюда, с земли, звезды маленькими кажутся. А на самом деле они большие-пребольшие, и на некоторых из них живут люди, похожие на нас. Наверное, и мама моя там живет. Но до нее далеко-далеко. И если я закричу ей, она не услышит. А что если думать и думать о ней? Может, тогда она услышит? И прилетит. И будет на ней звездное платье, все сверкающее, как снег под фонарем. И она унесет меня туда, на нашу звезду. И там уж никто не будет ломать мои игрушки, отбирать конфеты, дергать за волосы. Потому что в этот дрянной садик к этим драчунам она меня больше не отпустит.

— Наташа!

Я оглядываюсь. Мама! Нет, не со звезды. Самая обычная моя мама. И не в звездном платье, а в своем клетчатом пальто и в белой шапочке. Но все равно я бегу к ней быстрее ветра. А когда она берет меня на руки и целует, я прижимаюсь к ней крепко-крепко, и про звездную маму уже не помню. Вот она, здесь! Настоящая. Моя!

— Нет, сегодня я тебя не заберу — говорит она. — Я проведать тебя пришла.

И протягивает мне пластмассовую собачку. И еще мандарин.

— Мне на работу пора. Ну, не плачь, Наташка, не надо. Послезавтра я тебя возьму.

А я все равно плачу.

— Наталья!

Мама вытирает мне слезы.

— Ты же знаешь — я на двух работах работаю. А если бы только на одной, то нам и спать было бы не на чем. Ну, все, все! Иди к ребятам.

Она уходит. Значит, все-таки ненастоящая. Я же знаю, как волк к семерым козлятам приходил, мамой их притворялся. И про то, как он бабушкой притворялся. А Красная Шапочка поверила.

Нет, та тетя, которая сейчас ко мне приходила, она не волк. Она не злая. Но — не моя. И этот детский садик тоже не мой. И эта улица за толстой оградой — тоже не моя. И автобусы, которые там по дороге ездят — тоже не мои. Там, где я была раньше, никаких автобусов не бывает. Это здесь взрослые все боятся, что мы под машину попадем. А там, где я раньше была, так хорошо, что даже и бояться нечего. А как там красиво! Люди там светятся. Только не так, как лампочка. И не так, как фары автобуса. На этот свет глядеть совсем не больно. Не то, что на лампочку. Только я не помню, где это. Наверное, на звезде.

Шлеп! — Это кто-то из наших в меня снежком кинул.

Дураки... Ну, чего они мне думать-то мешают!? На нашей звезде и то таких дураков нет. Там никто никому не мешает.

Еще снежок! И еще! Надоели. Больно же все-таки! А там, где я жила раньше, мне никогда не было больно. Только бы вспомнить, где это было. Но только разве наши дадут вспомнить? Вредины... Уйду-ка я от них на соседний участок. Вон в ту беседку. Там как раз уже нет никого. Только если Анна Николаевна увидит, что я не на своем участке, она меня отругает и обратно уведет. А на нашей звезде гулять везде можно, где захочешь. Я бы лучше туда ушла. Насовсем. Но как долететь дотуда? Почему про мою звезду мне никто-никто не рассказывает? Про Африку рассказывают. И по телевизору я про Африку смотрела. Про слонов, крокодилов. Про белых медведей на северном полюсе — тоже смотрела.

А про самое такое, что мне нужно — *про то, где я раньше жила* — про это все молчат, как будто этого и не было.

А вдруг и вправду не было? Вдруг мне просто сон такой приснился? Как обидно-то! Как обидно! Так, что зареву сейчас!

Но словно какой-то голос говорит мне:

— Было! Было не во сне, а на самом деле. И будет опять. Когда ты снова туда попадешь.

— А куда — *туда*? И когда я *там* опять буду? — спрашиваю я у кого-то.

И опять не слышу голоса, который говорит со мной. Но почему-то знаю, что *Он, кто-то*, — говорит, отвечает мне.

И еще я знаю, что *Он* оттуда — со звезды.

— Ты меня с собой возьмешь? — спрашиваю я.

— Тебе еще рано. Ты еще ничего не сделала здесь. Ни плохого, ни хорошего — отвечает мне *Он*.

— А что мне сделать надо? — спрашиваю я.

Обидно мне — неужели за просто так меня обратно на звезду не возьмут? Я ведь и делать еще ничего не умею. Это только взрослые умеют. Это что же мне — до взрослой ждать? И вообще, где *Он* сам-то? *Тот, кто* говорит со мной? Почему глазами я его не вижу? Знаю только, что *Он* где-то совсем рядом. Я и маму так же угадать могу с закрытыми глазами — в комнате мама или уже ушла. А, может, мне его поискать? Может, он со мной играет так? Я оглядываюсь. За беседкой *Его* нет, за деревом — тоже нет.

И вообще во всем дворе никого нет. Ни одного человека. Только снег молчит и падает, падает, падает. А фонарь уже не марганцовочного цвета, а белого, холодного. Теперь понимаю, почему говорят: «А мне до лампочки». То есть все равно. Вот и фонарю этому холодному все равно, что со мной будет. И снегу все равно. Я дергаю двери садика — двери закрыты. Так и есть — все ушли, а про меня забыли. А, может, не забыли? Может, нарочно здесь оставили, чтобы *Кто-то* пришел и забрал меня на нашу звезду?

Ну, конечно же, как я сразу не догадалась? Тогда пусть скорее забирает! И я выхожу на середину садиковского двора, чтобы Ему было видно меня сверху. И жду. Сейчас! Сейчас! Прямо сейчас!

ПОЧЕМУ Я НИЧЕГО НИКОМУ НЕ СКАЗАЛА

— Наташа! — нянечка тетя Зина выбегает из дверей. Пальто на белый халат накинуто и тапочки на босу ногу. И лицо у тети Зины сердитое.

— Наташа! Ты где была? Почему не в группе?

Она берет меня за руку и тащит вверх, по лестнице. Фу, как тут хлоркой пахнет! А на моей звезде всегда только цветами пахло. Я упираюсь, вырываюсь из тетизининой руки и реву так, что даже горлу больно. Мне же надо во дворе остаться. Должна же я дожидаться, когда меня заберут!

Но меня все равно приводят в группу. А в группе воспитательница ругает меня так, будто я что-то сломала. Или нагрубила. И глаза у воспитательницы такие злые, что в них даже глядеть страшно.

— Ты почему со всеми не ушла?

— Меня забрать должны.

— Твоя мама сказала уже, что сегодня тебя не заберет.

— А меня не мама заберет.

— А кто же?

Я молчу. Я не знаю, как зовут *Его*, который со звезды.

А воспитательница о *Нем* совсем ничего не знает. Может, рассказать, как *Он* со мной говорил?

Но Анна Николаевна уже меня не слушает.

— Ребята! Никогда не делайте так, как Наташа Краюхина. Сказано — идем в группу, значит — собрались все вместе и пошли. Понятно?

— Да! — отвечают наши хором.

— А Наташу я накажу. И всю группу с ней вместе.

— У-у! — гудят наши. — Всех-то почему?

— А почему никто не заметил, что Краюхина во дворе осталась? Где же ваша дружба? А если бы она там насмерть замерзла? В следующий раз друг за другом смотрите, чтобы все на месте были. А сегодня я вас накажу — сказку на ночь я вам не прочитаю.

— Наташа! (это уже ко мне) — Пришла в группу — так раздевайся, а не сиди сиднем.

... Нет, я ей ничего о *Нем* не расскажу. Сама увидит, когда *Он* появится в садиковском дворе.

— Дети! Быстро ужинать! — Анна Николаевна хлопает в ладоши и уходит в группу. И ко мне в раздевалку возвращается.

— Еще не разделась? Тебя что — вся группа ждать должна?

Надо раздеваться. А не то она сама меня будет раздевать, как маленькую. А пальцы у нее с длинными ногтями цапучие-царапучие. Я раздеваюсь и иду за стол. А наши, которые уже за столом сидят, на меня так смотрят... Они всегда так смотрят, когда побить хотят. Рассказать ли им про *Кого-то*? Расскажу! А когда *Он* спустится за мной со звезды, они, конечно, со мной вместе запросятся. И тогда *Он* им скажет:

— А вас я с собой не возьму. Потому что вы Наташу обижали.

И мы с *Ним* улетим. А они по мне скучать не будут. Ну и пусть. А я по ним — тоже не буду.

Нет, наверное, Маринка Ковалева будет скучать. Тогда я попрошу *Его*, *Он* и ее тоже с собой заберет.

— Наташа! Сколько можно сидеть над одной тарелкой? Не хочешь есть — неси тарелку няне.

Я и несую. Раз Анна Николаевна мне так велит.

— Блямц! Это тарелка с кашей и стакан с молоком разбиваются.

Брызги во все стороны! И Анне Николаевне — на новый костюм.

— О, господи! Что за непутевая?

— Нет, я путевая, путевая! А ты — злая! И меня скоро на звезду возьмут. А тебя — не возьмут. Понятно?

— Ах ты, грубиянка! Ты нарочно? Нарочно?

Анна Николаевна уже меня не слушает. Она костюм свой под краном моет. Я бы ей сказала, что я не нарочно, только она все равно теперь не поверит. Я молчу, и иду в спальню. А там наши на меня набрасываются и бьют.

— Это за сказку тебе, Краюха.

А я уже и забыла, что Анна Николаевна всех без сказки оставила из-за меня. Я об этом забыла, я ведь о другом думала. За сказку меня бьют все. И даже моя подружка Маринка Ковалева.

Нет, я никого не возьму с собой на звезду. И даже Маринку! И ничего никому не расскажу! Вот такушки!

ТАМ, ГДЕ НАКАЗЫВАЮТ

Перед праздником приходит моя мама. И я так ей рада, что уже не думаю — настоящая она, или нет. Она еще только в воротах садиловских стоит, но уже руки навстречу мне раскрыла и присела. И я уже знаю, что сейчас будет. И мчусь к маме. И падаю в ее руки, она ловит меня и поднимает вверх. Я лечу! Конечно, не так, как раньше летала, когда еще на звезде своей была. Мама кружит меня вокруг себя. Это не как на звезде, а как на карусели. Но все равно летать так здорово!

Потом мы идем к остановке. То есть это она идет, а я скачу рядом с ней. Скоро мы дома будем. Но сначала нам надо на автобус сесть. До чего взрослые говорят неправильно! Не «на автобус» надо говорить, а «в автобус». Если бы «на автобус», так мы бы уж давно сели. Прямо на крышу автобусную, и поехали. А ведь нам туда, в двери, забраться надо. А людей там так много, что нам с мамой уже не поместиться. Так всегда бывает, когда все с работы домой едут.

— Наташка, давай в магазин сходим? А потом и народу будет меньше.

И мы с мамой идем в магазин. Какая там очередь длиннющая! Мама даже на цыпочки встала, но ей все равно не видно, что там достают и взвешивают. Кур выкинули — объясняет ей толстая тетенька. — По штуке в руки.

Почему выкинули? — думаю я. — Неужели они кому-то не нужны? И кто столько сразу кур выкинул?

— Наташа, придется постоять. Мы с тобой вдвоем, значит, и кур нам дадут две, — говорит мама.

И мы встаем в хвост очереди. Вот мы все стоим, стоим, а очередь будто и не двигается. Вокруг меня — лес из пальто и шуб. Но в настоящем лесу дышать легко, а в шубном лесу душно.

— Мама, душно.

Мама снимает с меня пальто и шапочку, и держит их в руках. Но все равно душно. Потому что все люди в шубном лесу друг друга не любят, обзываются. Вон та тетенька обозвала другую за то, что та без очереди лезет. Кем она ее обозвала, я не поняла. Но, наверное, это что-то очень обидное. У той аж все лицо от злости покраснело. А старый дяденька всем книжечку какую-то показывает и кричит:

— Я — ветеран! Мне без очереди.

— А мы что? Князья? — отвечают ему.

И прибавляют такие слова, которые мама строго-настрого мне говорить запретила. Мама сказала, что слова эти — матерные, и говорить их стыдно. А тети и дяди из очереди, наверное, глупее детей, раз им не стыдно. Я и то догадалась, почему ругаться нельзя. Потому что от этого в магазине душно стало. Правда-правда! Я уже видела людей, которые друг друга ругали и злились. Это давно было, еще когда я не здесь, а на звезде на своей жила. И тогда меня привели куда-то, и там страшно было.

А уйти оттуда никому нельзя. Потому что туда попадают те, кого наказывают. И они знают, что их оттуда не отпустят и потому еще сильнее друг на друга злятся. И дышать там еще труднее, чем здесь, в очереди.

Чем сильнее люди друг друга ругают, тем меньше воздуха остается. Но где это? Где? Не помню. Меня же туда ненадолго привели — только чтобы я *то место* увидела, где люди мучаются. Я смотрела на них, и мне жалко было, что их на нашу звезду не пустили.

Нет, наверное, меня не привели *туда*, а принесли на руках.

Потому что на тех, кто наказан, я откуда-то сверху смотрела. И ногами я ни на чем не стояла — ни на земле, ни на полу.

Ой, нет, нет! Не держали меня на руках! Я сама — прямо на воздухе держалась! Я тогда почему-то легкая была и по воздуху могла плавать. А теперь почему же не могу? И почему я опять там, где так же душно? Неужели меня за что-то наказали? В чем же я виновата?

— Наташа! Ты куда? — Это кричит мне вдогонку мама.

— Мама, я не могу! Мне душно!

Я убегаю к дверям. Там люди уже не злые. Там они из магазина выходят уже с курицами. У кого — одна, у кого — две, а у кого и полная сумка. У тех, кто всей семьей стоит. Скоро и мама моя выйдет. И она, в конце концов, выбирается из очереди с одной-единственной курицей. И притом — совсем маленькой. А как устала она! Словно стирала целый день. Кажется, мама даже плакала в этой очереди. Бедная...

— Вот, — показывает она мне курицу — только одна. А если бы ты со мной стояла, досталось бы две.

— Мама, мне душно стоять.

— А мне не душно, да? Ты бы отдохнула, и снова ко мне пришла. Что ж ты не догадалась, непутевая?

Мама меня ругает, и голос у нее дрожит. Да, она и в самом деле плакала. Надо было и вправду с ней вместе стоять.

Нет, не потому, что нам тогда бы дали две курицы вместо одной. Не поэтому. Раз мама здесь, где так плохо, значит, она тоже за что-то наказана. А если бы я рядом стояла, ей бы не так тяжело было бы это наказание терпеть.

Ведь становится же Маринка Ковалева со мной в угол, когда меня Анна Николаевна наказывает. Вместе стоять не так обидно. А когда Маринку наказывают, то я рядом с ней становлюсь. Тоже чтобы она меньше ревела.

Что же я сейчас-то не догадалась? Родную маму не пожалела? Действительно, непутевая...

КАК МЕНЯ ПОДАРИЛИ

Когда мы с мамой приходим домой, прямо в коридоре нас встречает соседский Мишка.

— А у меня-то звездочка октябрятская! — хвастает он. — Меня сегодня в октябрята приняли.

А на школьной форме у Мишки и правда — звездочка. Красненькая, с лучами. А в середине портрет чей-то. Это так красиво!

Я даже сначала не поняла, что это не настоящая звездочка с неба, а только значок такой.

— А это кто? — показываю я на портрет.

— Это — Ленин.

— Какой же это дедушка Ленин? Это девочка какая-то.

— Это Ленин. Когда он маленький был — объясняет Мишка. — У меня и еще такая же звездочка есть. Про запас. Если эту потеряю.

— А дашь мне?

— Не-а! — Мишка мотает головой.

До чего же он любит хвастать тем, чего у меня нет! Ему лишь бы подразнить.

— Мама! — прошу я у нее. — Мама, купи мне такую же звездочку!

— Ты еще не имеешь права ее носить. Ты еще не октябренок. Вот пойдешь в школу — и там тебя в октябрята примут.

— А как примут?

— Такие звездочки вам торжественно под музыку вручат. На празднике. И приколют к школьной форме. Тогда будешь носить. Мама мне про звездочку объяснила и на кухню пошла — курицу на части резать. А Мишка и доволен, что ему можно звездочку носить, а мне нельзя. И язык мне показал. А я тогда к маме пошла. А маме не хочется, чтобы я смотрела, как она курицу разрезает.

— А то, — говорит, — нож вдруг соскочит. И — в тебя.

Мама еще сердиться не перестала. И с кухни меня прогнала. Она прогнала, а Мишка позвал.

— Пошли, — говорит, — мою пластинку слушать.

У Мишки сегодня праздник и в школе, и дома. По этому «случаю» ему пластинку купили новую. Со сказкой «Маленький принц».

И я, конечно же, иду с Мишкой. Хорошо, что он меня позвал.

А то бы я точно заревела. Но Мишка — он и есть Мишка. Как увидит, что я заслушалась, так и выключит проигрыватель. Подождет, пока у меня слезы на глаза вылезут — и опять включит.

— Ладно уж, не реви.

Но с середины сказки он и сам так заслушался, что даже вредничать забыл. Очень уж сказка интересная. Значит, бывает так, что люди, как я — сначала на звездах живут, а потом сюда, на землю прилетают. Только Маленький принц не с моей звезды. Он на звезде своей один жил. А на моей звезде людей много было. И все красивые. И друг друга любили. Если уж Маленький принц так по своей звезде скучал, то я еще больше скучаю. Потому что я не знаю, зачем я здесь. И как я оттуда сюда попала. У мамы, что ли, спросить? И я, наконец-то дождалась, когда мама меня слушать стала. Когда курицу уже сварила, меня в ванне вымыла и спать уложила. Наконец-то мы с мамой рядом, я в постели, а она на стуле, с вязанием. Сейчас у нее и голос не как днем.

Когда она сердитая, у нее голос такой, что об него поцарапаться можно. А сейчас ее голос такой, что она меня и руками гладит, и голосом.

— Мама, а ты настоящая?

Сейчас мне непонятно, кто моя настоящая мама — та, со звезды, или эта? А, может, эта мама и есть со звезды? Но почему она мне ничего о звезде не рассказывает?

— Как это — настоящая? — Мама широко раскрывает глаза. — А что же я — игрушечная?

А я часто всех спрашиваю — настоящее или нет? Недавно Анна Николаевна принесла в группу два яблока — желтое и красное. И нарисовать их велела.

— Только — говорит, — не съешьте. Яблоки эти не настоящие. Они из воска.

Ну, да! — Ненастоящие, — подумала я. — Видела я свечи из воска. Они совсем некрасивые. А эти яблока так в рот и просятся. Наверное, Анне Николаевне их жалко, вот она и не дает. А я все равно кусочек откусила, пока она не видела. И тут же выплюнула. Точно — не настоящие.

А прошлой зимой меня при всей группе фашисткой обозвали. За то, что я на Иру Петренко смотрела-смотрела, и решила проверить, настоящие у нее глаза, или нет. Потому что у нее глаза такие голубые-голубые. Как небо. Такие только у кукол бывают. И если в ее глаз вилкой постучать, то звук будет такой же, как если в пластмассовый глаз постучать. Только постучать ей в глаз я не успела, вилку к ее глазу протянула, а Анна Николаевна меня за руку и схватила. Как долго меня потом стыдили! Все! И Анна Николаевна, и нянечка тетя Зина, и мама Ирина. А потом еще моя мама. Я же не знала, что нельзя в глаз стучать, что он испортиться от этого может. Это мне уже потом Анна Николаевна объяснила, когда в угол меня поставила. Они до сих пор про это всем рассказывают.

И потому сейчас, когда я маму спрашиваю, настоящая ли она, мама даже пугается — что же я еще натворю?

— Мама, ты настоящая? Со звезды?

— С какой еще звезды?

— Ну, ты что? Забыла?

И я маме про нашу звезду рассказываю. А мама меня слушала- слушала, и глаза у нее такие большие стали:

— Ну, ты у меня и фантазерка!

— А это что такое? Это хорошо, или плохо? А ты все-таки со звезды? Да, мам?

— Я? — Мама смеется. — Честно?

— Совсем честно.

— Если честно, то нет. Нет, Наташа. Я как родилась, так и выросла здесь, на Земле.

— А я где родилась? А как это — родилась?

— Ой, как ты замучила, Наташка!

— А я и так знаю, что я — со звезды!

— Ну, хорошо, ты — со звезды.

— А на Землю я как попала?

А мама опять смеется. И не отвечает. Тогда я еще пуще пристаю.

— Мама, мамочка, ну скажи!

— Тебя аист принес — говорит мама.

— Откуда принес? Со звезды?

— Ну да, да — со звезды. И мне подарил.

— А я так и думала, что тебе меня подарили. А как подарили? На праздник? Как Мишке — звездочку октябрянскую? А ты обрадовалась?

Мамино лицо уже не смеется, а кривится. Она что — плакать будет? А почему?

Мама смахивает слезинку, прижимает меня к себе крепко-крепко:

— Ну, конечно, обрадовалась. А как же иначе?

А я понимаю, что это неправда. Мама не была мне рада. Но ей стыдно за то, что когда-то она меня не любила. Стыдно до слез. Мне тоже бывает стыдно до слез, как в тот раз, когда я Ире чуть глаз вилкой не выткнула.

Когда у меня самой будут дети, я не буду их стыдить до слез. Не буду такой злой. Пусть и мама тоже сейчас не плачет.

— А сейчас ты меня любишь! — говорю я маме. И целую ее. — И я тебя тоже люблю.

Кажется, маме понятно, что я разгадала ее стыдную тайну, что она мне не обрадовалась, когда ей меня аист принес.

Ведь я сказала: «А сейчас ты меня любишь».

«А сейчас»... Значит, раньше — не любила. Да, мама поняла, что я ее разгадала. И от этого ей еще стыднее. Какие у нее слезы горячие! И все бегут и бегут, и я не знаю, что сделать, чтобы мама не плакала. Ну и дура же я! Ну и непутевая! Никогда, никогда больше не вспомню маме, что она меня не любила. Пусть она забудет об этом! Совсем, совсем забудет...

КТО ТАКАЯ ЛЮТАША

У нас с мамой целых три дня, чтобы вместе побыть. — Седьмое ноября, суббота и воскресенье.

— Мама! Когда я вырасту, я сделаю так, чтобы мамы всегда со своими детьми были.

— Да?

— Ага! И чтобы на работу не ездили.

— Глупенькая ты моя, — улыбается мама. — Так не бывает. Кто же тогда деньги заработает?

— Бывает так! Вот на нашей звезде никто на работу не ездит. И деньги там не нужны.

— На звезде?

— Ага. И я тебя туда с собой возьму.

— Да? Правда? Даже на звезду возьмешь?

Вот странно... Мама будто бы рада, но как-то не взаправду. По лицу ее вижу. У нее такое лицо уже было. Когда к нам гости приходили, а с ними Витя. Их Витя совсем еще маленький, еще слова плохо выговаривает. Витя машинку по полу катает и говорит:

— Я к бабиське едю.

То есть к бабушке он едет. Ну, взрослым смешно, конечно. Машина же у него маленькая и ненастоящая. Это он играет так, что на машине едет.

А моя мама и давай его хвалить:

— Ах, какой Витя шофер хороший! На какой машине-то большой поехал!

Витя и доволен, что его шофером назвали. И не понял, что моя мама притворяется — не взаправду ему верит.

Вот и теперь, когда я маме про звезду рассказываю, лицо у нее такое же притворительское, как тогда.

— Мама, ты про звезду не веришь?

— Верю.

— Не веришь! А я ведь честно говорю!

Я уже зареву скоро — так мне обидно, что мама мне не верит.

— Не говоришь ты, а кричишь. Наташа, разве на маму кричат?

Да, правда, на маму не кричат. Но только почему мне про мою звезду даже поговорить не с кем?

... Так проходят выходные...

А в понедельник с утра мама рано будит меня и одевает. Опять маме на работу. А мне опять в садик. Я так в садик не хочу, что мне даже страшно. И даже холодно от страха. А мы с мамой уже идем к остановке.

— Мама! Холодно! Шапочку потуже завяжи...

А мама завязывать не хочет:

— Почему я? Ты сама уже большая.

Но наклоняется ко мне и завязывает. Но только когда она так торопится, то пальцы у нее такие же щипучие-царапучие, как у Анны Николаевны. Мне даже будто еще холоднее стало. А мама на часы смотрит:

— Опаздываю. Пошли побыстрее.

А у меня новая беда — у меня резинка в рейтузах лопнула. И когда я иду, рейтузы с попы сваливаются. Как же идти? Мамино лицо тут же страшным становится. Отлупит она меня, что ли, за рейтузы? А я виновата, что ли? Это же не я, а резинка лопнула...

— Тьфу ты! — Мама машет рукой. Вздыхает.

Не отлупила. На руки меня взяла и так, на руках, до автобуса понесла.

Хоть мама и сердится, а все-таки у мамы на руках ехать лучше, чем ногами идти. Да еще туда, куда не хочется. Здоровско все-таки, когда резинка в рейтузах лопаается!

— Мама, а почему у тебя щека холодная?

— Это у тебя холодная.

И я к маминой щеке своей щекой прищечилась, и мы обе согрелись, и мне так хорошо стало! Как только на звезде моей было.

— Мама!

— А?

— А ты теперь — не ты.

— Чего-чего?

— И я теперь — не я.

— Это как?

— Мы теперь — одна. Ты и я — вместе.

— Ага.

— Мам! А знаешь, как нас зовут? — Ну?

— Тебя — мама Люда, а меня — Наташа, а нас с тобой... Мама, ну слушай!

— Слушаю.

— Лю. Таша. Вот. Люташа!

Мама молчит. А я разве молчать могу? Я имя наше пою:

— Лю-та-а-ша! Лю-та-а-ша! Лю-та-а-ша!

— Наташка! Перестань! В самое-то ухо!

— Мама! А Люташа знаешь какая? — Ну?
— Она большая-пребольшая. И теплая, и пушистая. И не боится никого.
— Кто?
— Да Люташа!
— Какая еще Люташа?
... И как это мама со мной говорила, а совсем меня не слышала?
Мы подходим к детскому садiku. Я вцепляюсь в мамин воротник.
— Не хочу! Не пойду!
— Наташа, перестань. Не на год расстаемся.
— Да-а, не на год! На целую ладошку!
— Как это — на ладошку?
— Мама, ну ты что, глупая? Ну вот, ладошка — пять. Понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, — я загибаю пальцы. — Пять?
— Пять.
— Поняла?
— Теперь поняла.
Мама приводит меня в группу и раздевает.
— Наташа, побыстрей. А то я опоздаю на работу.
— Мама, не уходи. А то ты с собой «Лю» унесешь, а «Таша» одна останется. А они вместе должны быть.

Но мама все равно уходит. А я что-то по дороге в садик думала-думала и еще не додумала. Что-то ведь хорошее думала. И это хорошее я маме сказать должна. А додумать у меня получается только тогда, когда дверь за мамой уже закрылась. И я догоняю маму на лестнице, где холодно почти так же, как на улице.

— Мама!
— Наташа! Иди в группу!
— Мама! А я все равно тебя на нашу звезду возьму! Честно!
— Наташа Краюхина!
Голова Анны Николаевны свешивается сверху:
— А ну вернись!
Я обнимаю маму:
— Не веришь? Ну и не верь! А я возьму! Насовсем!
Все! Додумала! Сказала! Теперь и в группу можно.
И пусть меня Анна Николаевна ругает.

КАК Я СТАЛА ЖИВОДЕРКОЙ

У нас в группе, в живом уголке, стоит аквариум с золотыми рыбками. Как плавно у них плавнички шевелятся! А у меня уже целую неделю не получается додумать, на что они похожи. Трудно что-то додумать, когда мысли, будто мячики по полу, скачут.

Только сейчас вот и вспомнила, на что плавнички у рыбок похожи. Где-то я видела одежду такую же, как эти плавнички — легкую, прозрачную, совсем как туман. И она, эта одежда, шевелилась на воздухе, как плавнички у золотых рыбок. Но на ком была эта одежда? Не помню. Но помню, что они светились и плавали в воздухе, как рыбки в воде. Может, это тоже на звезде был

— Наташ! — Маринка Ковалева подходит ко мне. — Пойдем играть в дочки-матери. Но я играть не хочу — я на рыбку смотрю. Мне же вспомнить надо!

Маринка оглядывается по сторонам — Анна Николаевна в спальню ушла, что-то там ищет. Из наших на нас тоже никто не смотрит.

— А давай вытащим рыбку, потрогаем? А? И обратно пустим?

Она еще на той неделе это сделать хотела. Но на той неделе мне не хотелось. А одна она не стала.

А на этой неделе...

— Давай! — говорю я. И думаю:

— Может, плавники у рыбки на ощупь такие же, как одежды тех, которые летали. И если я рыбку потрогаю, я всё-всё тут же и вспомню?

А Маринка уже рыбку достала. Рыбка в ее руках бьется, будто убежать хочет. Наверное, рыбке страшно.

— Дай! Дай мне быстрее!

Но Маринка отдавать не хочет. В кулак зажала и держит. А я у нее отнимаю. Рыбка падает на пол. И ртом шевелит, будто говорит. А вдруг и вправду говорит? Я ее в руку взяла, а она мне ничего и не сказала. Только брыкается, как у Маринки. А мне ее удержать надо! Так, чтобы она не прыгала. Мне же ее плавники потрогать надо! В них вся разгадка!

И тут к нам ребята из группы подбежали.

— Ты что, Краюха? Она же умрет!

И они у меня рыбку отобрали. Да, им-то легко отбирать — я одна, а их — много, И пальцы у них цапучие, не то, что у меня.

— Та-а-к! Это что за безобразие!?

Анна Николаевна пришла. А рыбку наши как раз хотели в аквариум обратно посадить. Но рыбка мимо упала — на пол, а Анна Николаевна ее подняла и сама в аквариум пустила. Только рыбка не плавает, как раньше, а на дне лежит, и еле-еле плавниками шевелит.

— Это все Краюхина!

— Это Краюхина рыбку достала.

— И отдавать не хотела! А мы только отобрали.

Меня опять стыдят. Опять до слез. Маринка стоит и молчит. И только глазами просит не выдавать ее. И я не выдаю. Я ведь больше виновата — я дольше держала рыбку в руках. А Анна Николаевна говорит, что рыбка теперь умрет.

Я не знаю, как это — умрет. Наверное, это что-то страшное. Анна Николаевна так смотрит на меня, что я плачу, хотя в угол меня еще не поставили.

— Вот-вот! Поплачь, поплачь! Живодерка!

Я не знаю, что такое «живодерка». Но Анна Николаевна говорит это слово так, будто бьет меня этим словом. Вместо ремня.

— Живодерка! — повторяют за ней все наши.

... На следующий день рыбка плавает в аквариуме кверху животом. Она будто спит, совсем не шевелится.

— Все! Умерла рыбка, — говорят мне.

А я стою и плачу, плачу.

А еще через день приходит мама. С конфетами и двумя апельсинами для меня. Ласковая, румяная с мороза. Навстречу ей Анна Николаевна. И, конечно же, наши ябеды. Когда маме все рассказали, мама тоже заплакала, как я.

Где же я видела это, когда человек только-только приходит, а его встречают там и пересказывают, что он натворил плохого и плачут над ним, потому что за это плохое его отправят *туда, где наказывают*. Где я это видела?

— Вот! Смотрите на вашу Наташу, ей даже не стыдно. Стоит себе и ухом не ведет, будто не про нее говорят.

А как я ей скажу, чтобы она поверила? Как скажу, что мне стыдно? Просто я сейчас додумать должна, где это жуткое место? Как его называют?

И я молчу. Кому и как рассказать о том, чему нет названия?

... После всего, что я натворила, со мной в группе никто не дружит. И даже Маринка. Потому что все не дружат. И она — как все. А во мне все дрожит и дрожит, ноет и ноет обида. Ведь Маринка-то знала, как было дело с этой рыбкой. Она тоже виновата. А сама живет как ни при чем.

ДЯДЕНЬКА, ПОХОЖИЙ НА РЫБКУ

Вечером нас ведут в спальню. А засыпать мне совсем одной придется. Те, кто дружат, они головами друг к другу лягут и руки друг другу протянут, за руки друг друга подержат, чтобы засыпать было не страшно, а если кровати у них не рядом, то хотя бы поглядят друг на друга.

А мне никто руку не протянет. И не посмотрит на меня никто. Можно и не ждать. Я же теперь живодерка.

Тетя Зина уже и свет в спальне выключила. Темно. А в той комнате, где мы играем, свет не выключили. Дверь в ту комнату открыта, чтобы нам страшно не было. И, правда, если страшно очень, можно хотя бы на этот квадратик света смотреть. Он такой теплый... В той комнате нянечки сидят и о чем-то своем говорят. Тихо говорят, чтобы мы уснули быстрее.

И вдруг... Что это? Только что в светлом квадратике никого не было, и вдруг — тетенька в длинном платье. Нет, это не нянечка. Она светится.

Она улыбается мне и подходит ближе. Она не по полу идет. Потому что шагов я не слышу. Она над полом плывет по воздуху.

Вот кого я вспоминала-вспоминала, да так и не вспомнила! Это ее платье на хвостик у золотой рыбки похоже. Только еще красивее. Потому что рыбка из аквариума — она все-таки отсюда, с Земли, а тетенька эта не отсюда. Она вся прозрачная, из одного только света и воздуха. Таких людей здесь не бывает. Такие только *там, где я раньше жила*.

А тетенька подплывает к самой моей кровати. Да ведь это не тетенька, а дяденька. Он молодой и до того красивый, что на тетеньку похож. Он добрый, он меня любит. Мне он об этом не говорит, но я и так знаю. Это он со мной тогда во дворе садиковском разговаривал. В тот вечер я его глазами не видела, а знаю почему-то, что это он был.

— А я тебя помню — говорю я ему. — Ты *оттуда, где я раньше жила*.

Как ласково он улыбается мне!

— А ты почему меня с собой не взял?

— Пока не могу — говорит он мне. — Ты еще здесь должна жить.

— Возьми меня опять к нам — прошу я. — Здесь со мной никто не дружит.

— Подожди немножко — шепчет мне дяденька из света. — Подожди. Скоро у тебя будет то, что ты хочешь...

— Подъем! Подъем! Дети, вставайте!

Тетя Зина громко хлопает в ладоши. Уже утро. А за окном темным-темно. И вставать не хочется!

А где же дяденька?

— Тетя Зина! — вскакиваю я. — А дяденька уже ушел?

— Какой еще дяденька?

— А такой... Такой, как рыбка! Только красивее.

— Ой, Наташенька! Приснилось тебе все. Вставай.

— Где мой дяденька? — спрашиваю я всех в спальне.

Но никто не видел моего дяденьку. Наверное, все уже спали. А, может, он так сделал, чтобы одна я его видеть могла? Или он мне, в самом деле, только приснился?

КТО ТАКИЕ ЗЛЫ

В нашей группе новенькая. Я такой девочки никогда еще не видела. Она никогда не плачет. Даже в первый день, когда бабушка только-только привела ее. Бабушка у нее старенькая, на веточку сухую похожая. А лицо у бабушки сморщенное, как яблоко печеное, и зубов нет. И ходит она еле-еле. А больше у новенькой никого нет — ни папы, ни мамы. Новенькая сама так сказала. Но она все равно не плачет. Мне бы так!

Новенькая не плачет даже когда ее обижают. А у нас любят обижать новеньких. Особенно Сережка Мосин. Моська противная! Как новенькая пришла, он и давай ее до слез доводить. Она сидела, кубики собирала, а он нарочно все кубики развалил. Пока воспитательница не видела. Новенькая ничего ему не сказала. Ушла. Взяла карандаши, рисовать стала. Моська подошел с машинкой, как будто его машинке больше ездить негде, и прямо по ее рисунку вжикать стал.

Я бы или подралась с ним, или жаловаться бы побежала. А новенькая опять в сторону ушла. А Моська опять за ней. Все, думаю — в покое он ее точно не оставит. А все наши за ним повторять будут — тоже будут новенькую обижать. Так же, как меня. Надо, думаю, за новенькую заступиться.

И вдруг я чудо увидела — новенькая стояла и не шевелилась. Она на Мосина глядела. Так глядела, как будто только что его увидела. Как будто он ей еще ничего плохого сделать не успел. А Моська вдруг тоже застыл на месте, совсем как она. Стоит и молчит. И смотрит на нее как заколдованный. Она отвернулась и ушла. И Мосин ушел в другую сторону. Она его и в самом деле заколдовала. Потому что если уж он хочет кого-нибудь побить, то уж побьет обязательно. И всегда потихоньку, пока Анна Николаевна не видит. А тут он забыл про свое и сидит себе, своими машинками бибикает. А новенькая с ним играть стала.

Я бы на него обиделась и больше не подошла. Она что, подлизывается к нему, что ли? Чтобы больше не бил?

А она подошла ко мне и говорит:

— Ты на него обиделась, а я не обиделась. Это и не он драться хотел — это Злы хотели.

Странно как... Я еще не сказала, а только подумала. А новенькая услышала. Как это она может? И какие еще Злы?

— А кто такие — Злы? — спрашиваю я у нее.

— Злы? А ты их не видишь?

— Нет.

— В тебя бы такие вцепились, ты бы тоже драться стала. А вот еще мальчик — тоже со Злами.

Мальчика я вижу, а Злов никаких не вижу.

К новенькой со всего маха подлетает Борька. Он руки растопырил — это он играет, будто он самолет. Полетел мимо и нарочно новенькую задел. И еще раз. Ей, наверное, больно. А она на него так же, как на Моську, по-волшебному, посмотрела, и Борька тоже на месте замер. Новенькая посмотрела-посмотрела и в сторону отошла, как будто Борьку отпустила. Тогда и Борька ушел.

— Видела? — спрашивает у меня новенькая.

— Ага. Как это ты?

— Да нет! Злов видела?

— Нет.

— Они в нем были, а потом из него все повылезали и убежали. Что, опять не видела?

— Нет.

Я и в самом деле никаких Злов не видела. Но новенькая не врёт — они на самом деле есть. Ведь говорит же нам Анна Николаевна: «Никакого зла на вас не хватает» — это когда она сердится. А мама моя по-другому говорит: «Из двух зол выбираем меньшее».

Значит, есть Злы поменьше и побольше, пострашнее и не очень страшные. А новенькая никаких Злов не боится.

И я у неё спросила:

— А как это ты умеешь Злов из мальчиков прогонять?

— Это не я. Это Дяденька мой Светлый. Он так светится, что им смотреть больно. Они не от меня, а от Него убегают. У тебя тоже Дяденька Светлый есть. Он тебе тоже помочь хочет, а ты сама ему мешаешь.

— Как это я мешаю?

— Обижаешься ты на всех. И любить никого не хочешь. А Ему от этого грустно, и потому Он светиться не может.

ЗА ЧТО ЛЕНЕ СПАСИБО НУЖНО СКАЗАТЬ

Новенькую зовут Лена. А фамилия Бертус. Странная какая фамилия. Нерусская. Вот и хорошо, что нерусская. У меня вот русская, так ее и перевернуть легко на что-нибудь обидное:

Краюхина — Краюха.

Краюха — дам в ухо.

Краюшка — лягушка.

А вот попробуйте-ка «Бертус» перевернуть! Не сразу и получится!

Наши и пробовать не стали. Потому что Лена на кого посмотрит, тому не хочется ее обижать. А на меня она совсем не так посмотрела, как на Моську. Не так, будто в первый

раз видит, а так, будто давным-давно меня уже знает и мне рада. Я ее тоже где-то знала, дружила с ней уже. Но где?

Лена всех в группе старше — ей уже давно пять исполнилось. Она уже все сама делает — сама на все пуговицы застегивается, и шнурки завязывает быстро, как взрослая. А я хуже всех в группе шнурки завязываю.

— Семеро одного не ждут, — говорит Анна Николаевна. — Все уже готовы, а Краюхина, как всегда, еще копается.

И тетя Зина так говорит. И даже мама. И когда они меня за шнурки ругают, то шнурки, как нарочно, еще хуже у меня в руках запутываются.

— Ладно уж, — говорит Анна Николаевна и наклоняется ко мне. И сама мне шнурки завязывает.

— А где твое «спасибо»?

— Спасибо... — бубню я.

Но «спасибо» мне говорить не хочется. Хоть и надо. Мне зареветь хочется. Обидно мне почему-то. И так каждый раз.

Хоть бы кто-нибудь догадался и не стал бы мне шнурки завязывать. И ругать бы не стал. Просто помолчал бы и подождал, вдруг у меня у самой получится? Но об этом только Лена Бертус и догадалась. В первый же день.

И, пока я шнурки завязывала, она меня ждала.

И у меня получилось! В первый раз! И как это Лена узнала, что делать нужно? И надо ли ей за это «спасибо» говорить? Ведь не сама же она мне шнурки завязала. Просто рядом постояла. А Лена и говорит:

— А я стояла и хотела, чтобы у тебя получилось.

Спасибо я Лене не сказала, но так на нее посмотрела, что она поняла. Я вообще много за что Лене «спасибо» не говорю. А, наверное, надо. Хотя бы за то, что она лучше Маринки Ковалевой.

Маринка, стоит ей чему-нибудь новенькому научиться, хоть зайца из «Ну, погоди» рисовать, так она сразу же и воображает: «А я-то вот что умею. А тебе-то не скажу — как». Это чтобы она одна умела, а все остальные в недотепах ходили.

А Лена совсем другая. Если уж она читать умеет, она и меня учит. Но у меня пока буквы не заучиваются.

А в спальне Лене велели спать на той кровати, которая близко от моей. Нет, руками нам друг до друга не дотянуться. Зато поглядеть можно. Прямо в глаза друг другу. Чтобы засыпать было не страшно.

ТАМ, ГДЕ МЫ ДРУЖИЛИ РАНЬШЕ

Сегодня Элька Зайцева сказала Лене:

— Не водись с этой Краюхиной — она живодерка.

Это чтобы Лена не со мной, а только с ней, с Элькой, водилась. Обязательно ей надо выложить, что — живодерка. А сама-то Элька вообще на той неделе описалась, как маленькая. Я-то об этом молчу... А Элька обо мне не промолчала.

А вдруг она, или еще кто-нибудь расскажет Лене, как я рыбку из аквариума замучила до смерти? И тогда Лена дружить со мной не станет.

Нетушки! Лучше я сама ей обо всем расскажу. Пусть Лена знает, что не такая уж я и плохая, как в группе думают.

А рассказывать обо всем лучше на улице, когда нас гулять вывели. Тут можно в сторону отойти, чтобы никто не слушал. И все равно страшно, а вдруг Лена не поймет? Я ведь так мало слов знаю, чтобы объяснить... Это взрослые объяснять умеют. А я разве умею? А Лена и говорит:

— Не надо, не рассказывай. Я же видела.

— Как ты видела? Тебя же в группе еще не было. Ты потом пришла.

— Он мне сон такой показал.

— Кто?

— Он. Дяденька, который светится.

— Какой сон?

— Про тебя. Как ты вспомнить Его хотела. Только Он не как рыбка. Он не отсюда.

Это Он мне сказал, что мы с тобой скоро в одной группе будем.

— Вот уже и в одной!

— А здоровско?

— Ага.

— А давай — в догонялки?

— Давай!

— Чур, я вожу! — говорит Лена.

И я от нее убегаю. Но только совсем недолго убегаю — я же не хочу, чтобы она слишком долго водила. Это ведь обидно, когда водишь долго.

— Р-раз! — и Лена меня уже поймала. То есть я сама ей поддалась.

— Теперь я вожу!

— Нет, я опять — спорит Лена.

Лене тоже хочется что-то хорошее для меня сделать. Хотя бы поводить подольше.

Наши в группе друг другу уступить ни чем не хотят, вот и ссорятся. А мы с Леной совсем наоборот. Нам даже смешно стало.

А смеяться нам вместе так волшебно! Будто много-много смешинок волшебных во мне прыгают, а они такие воздушные, смешинки эти... Такие, что еще немного посмеюсь и в воздух взлечу. Совсем как раньше. *Там, где я раньше жила.*

— Наташа, а помнишь — мы летучими были?

... И Лена о том же самом подумала...

— Что, не помнишь? *Там, в Королевстве?*

... Сердце мое стучит так, что, наверное, скоро выпрыгнет. Я все поняла! Будто мне свет в темной комнате включили!

— Лена! Ты тоже *оттуда?*

— А я уж думала, что ты забыла.

— Ребята! Идем в группу! В груп-пу!

Это воспитательница. Как всегда — как самое интересное, так она и мешает. А мне еще столько всего у Лены спросить надо! Столько вспомнить!

— Т-с-с! Потом скажу — шепчет Лена.

А еще у меня нога совсем замерзла. Почему-то только одна. Одной моей ногой давно уже холодно. Но с Леной так интересно, что я про ногу мою озябшую только сейчас вспомнила.

В группу мы идем парами. И мне так весело, что мы с Леной с одной звезды, что даже дышать трудно. И ноги меня не слушаются. И когда я по лестнице на второй этаж поднимаюсь, то спотыкаюсь и падаю. И ребята, которые за мной парами идут, тоже спотыкаются и падают. И снова меня все ругают:

— Опять эта Краюхина...

Рука Лены ложится в мою руку. А с ее рукой мне и лестница короче, и ступеньки ниже. Все! Дошагали!

— Наташа Краюхина! Ну ты и Наташа-Растеряша! Ты почему в одной калоше?

... Ну вот... Анна Николаевна на меня лишь поглядела и сразу заметила, что у меня калоша только на одном валенке.

А я-то понять не могла, почему одной моей ноге холодно, а другой — нет. Потому что тот валенок, который без калоши, промок совсем. Вот и холодно.

— Ну, пойдем искать твою калошу.

И мы с Анной Николаевной обратно по лестнице спускаемся. И во дворе калошу ищем. То есть это она ищет. А я могу разве какую-то калошу в снегу высматривать? Я на небо гляжу. Там, в небе, облака ходят. Хмурые, грязные. На вату похожие. Вот бы наше Королевство из-за этих облаков высмотреть! Но нет, не видно отсюда Королевства...

— Наташа! Я, что ли, должна твою калошу искать? А ты чего стоишь, зеваешь? Да вот же твоя калоша!

И с калошей в руках я поднимаюсь в группу. А там уже Борька с Андрюшкой подраться успели, и поцарапать друг друга. Пока Анна Николаевна калошу со мной искала. И теперь они ей друг на друга ябедничают.

— А он первый начал!

И друг на друга пальцами показывают. И режут так, что хоть уши затыкай. Дураки какие!

А вот я теперь никогда не буду драться и ябедничать. И реветь не буду, как маленькая. Я ведь не просто девочка — я со звезды! С той же самой, с которой Лена! Но когда же она все расскажет?

Не сейчас. Сейчас все обедать садятся. А я даже есть не могу, все на Лену смотрю. А Лена не за моим столиком сидит. И тоже на меня смотрит. Но она совсем спокойна. А я так не умею.

— Наташа Краюхина? Не по сторонам гляди, а в тарелку.

В ТА! РЕЛ! КУ! — Анна Николаевна стоит надо мной и пальцем указательным в мою тарелку тычет, будто что-то стряхивает со своего ногтя. И прямо мне в тарелку. От одного этого есть расхочется.

Суп я еще кое-как в себя заталкиваю. Потому что он жидкий, проскакивает. А котлетой давлюсь.

— Кхе-кхе!

И кашляю. Анна Николаевна хлопает меня по спине так, будто бы я — ковёр, а она из меня пыль выколачивает. Только из меня не пыль вылетает, а крошки вылетают у меня изо рта. Те, кто со мной за столом сидят, сразу отодвигаются, и тарелки свои отодвигают.

— Ну, ты! Краюха! Свинья!

И Анна Николаевна не заступает за меня...

А дальше тихий час. Нет, до конца тихого часа мне не дотерпеть. И когда все, как положено, раздеваются и одежду на стульчики вешают, я быстро скидываю платье и колготки и к Лене бегу.

— Лена! Ну, расскажи! Расскажи!
— Наташа Краюхина! Ну, это не ребенок, а чудо в перьях!
Я оглядываюсь на Анну Николаевну и ложусь в постель.
Но разве спать я могу?
— Лена! — шепчу я ей.

Она высовывает голову из-под одеяла. Она тоже не спит. И даже не думала спать. Лена мотает головой:

— Нет!

И палец к губам прижимает. «Тихо» то есть.

— Дети! Все спим! — гроыхает голос воспитательницы.

О ЧЕМ ЗАБЫЛИ НА ЗЕМЛЕ

После тихого часа полдник. А после полдника Лена сама берет меня за руку и уводит к окну. Там как раз никого нет сейчас.

— Лена, а почему ты *Это* Королевством зовешь?

— Надо же *Это* как-то звать.

— А тебе об *Этом* тоже не рассказывали?

— Об *Этом* забывают.

— А почему?

— Как сюда попадут, так и забывают. А потом думают, что ничего *Этого* нет. Только то, что здесь — есть. Я тоже забыла в первый раз. А потом с нами авария случилась, мы все обратно *туда* и попали.

— Кто все?

— Папа, мама и я. И еще люди. И мы как попали *туда*, так сразу и вспомнили — мы же *там* были уже. Давно только. Все люди *там* были. Хотя бы раз.

— Все? Правда?

— Правда. Только все забыли.

... Ну вот... А я-то думала — это мы с Леной такие особенные. Все самые обыкновенные — с Земли, а мы особенные — мы из Королевства. А мы, оказывается, и никакие не особенные... Даже обидно как-то.

— А все равно я лучше их — говорю я Лене. — Я-то уж не забуду.

— Не хвастай! — сердится Лена. — Ты и сама еще не знаешь. Это сказать только легко «не забуду». А будешь драться, как они — тоже забудешь.

И Лена мне на Борьку с Андрюшкой показывает. Они еще до тихого часа подрались. А сейчас опять за свое. Пластмассовый автомат не поделили.

Какими словами они друг друга ругают! Самыми стыдными словами! А какие оба некрасивые-то стали! Даже не на людей похожи, а на двух волков, из книжки про Красную Шапочку. Даже зубы по-волчьи оскалили, будто кусаться будут.

— Это Злы в них залезли, — говорит Лена. Злы сами страшные, и хотят, чтобы все на них похожими стали. Потому они и забыли про Королевство Радости. А то бы им стыдно было.

— Лен! — толкаю я её — прогони Злов.

А Лена не идёт. Боится, что ли? Но кто же еще Борьку с Андрюшкой от Злов спасет? Все наши на них уставились, как в телевизор, и ждут, кто кого отлупит. Борька —

Андрюшку или, наоборот, Андрюшка — Борьку. Кто победит, тот и автомат себе возьмет. Одна только Анна Николаевна на них не смотрит. Пишет и пишет что-то в большущем журнале. Она не поможет.

Только Лена и осталась.

А Лена назад обернулась и смотрит куда-то вверх, над моей головой, словно там что-то интересное и красивое появилось. Улыбается кому-то. И сжимает мою руку в своей крепко-крепко:

— Пошли вместе?

И мы с Леной прямо к ним подходим, к Борьке с Андрюшкой. И Лена смотрит на них, как тогда на Мосина смотрела. И они так же на месте застывают. И смотрят на нее. И оба молчат. А потом в разные стороны расходятся.

И когда Анна Николаевна писать перестала и на нас посмотрела, все уже спокойно было. И автомат, из-за которого Борька с Андрюшкой подрались, почему-то никому уже не нужен. Так на полу и валяется.

— Лена, а ты кого там, наверху, увидела?

— Там Дяденька твой Светлый был. Он сегодня так светится! Без Него бы мы и Злов не прогнали. Они же страшные! Это там, в Королевстве Радости, Злов не было. А здесь их — знаешь сколько!?

... Жалко, что Лена видела Его — Дяденьку моего Светлого, а я сама — не видела. И всё равно — не врёт она, был Он там.

И я знаю, почему Он сегодня светится. Это Он за меня радуется — у меня ведь теперь Лена Бертус есть!

ЗАЧЕМ НАС ПОСЫЛАЮТ НА ЗЕМЛЮ

— Нет, такого цвета там не было.

— А такого?

— Да. Только еще воды.

— Теперь совсем так.

И, пока мы разглядываем то, что у нас получилось, Анна Николаевна подходит к нам.

— Какие нежные цвета! — Анна Николаевна улыбается.

Наконец-то она меня хвалит, а не ругает.

— Что же вы нарисовали?

— Королевство Радости — отвечаю я.

— Ну! Даже так! Вот сказочницы!

— Ребята! Смотрите, Лена с Наташей нарисовали Королевство Радости!

Посмотреть на Королевство Радости подходят все. И первой Маринка Ковалева. И фыркает в нос:

— Подумаешь! Воображали! Я бы еще и не так нарисовала. Лена смотрит на меня и головой качает. Так на меня мама смотрит, когда говорит: «И не стыдно тебе?»

Значит, я что-то не так сделала. Что-то стыдное. Но что?

— Зачем ты всем рассказываешь? — шепчет мне Лена.

— А разве не надо? Они же тоже вспомнить должны. Сама говорила.

— А ты расскажешь так, что все поверят? Получится у тебя?

— Не знаю...

— Не получится. И будут тебя вруньей звать. Скажут, что воображаешь со своим Королевством.

— Почему?

— Потому что. Я уже рассказывала. Еще когда в больнице после аварии лежала.

— Ладно. Тогда не буду.

— Будешь. Только не надо.

Как Лена сказала, так и вышло. Потому что мы с ней играем совсем не так, как все наши. Не в дочки-матери. И не в больницу. Мы с Леной играем в наше Королевство Радости. Кукол мы провожаем на Землю, совсем так же, как из Королевства людей провожают. И так же, как там, задания им даем:

— Ты должен помирить на Земле двух царей. Только побыстрее, а не то случится беда. Кукла кивает и кружится у меня в руках — это она уже на Землю улетает. Я сажаю куклу в угол, как будто она уже на Земле. И другую беру. Этой кукле мы другое наказываем:

— Ты построишь такой волшебный дом, чтобы люди туда грустными приходили, а уходили веселыми.

И эту куклу мы так же на Землю отправляем.

— А ты будешь ему помогать волшебный дом строить.

— А ты должен их защищать. Потому что Злой король не хочет, чтобы волшебный дом построили.

Пока мы с Леной так играем, Маринка не очень далеко от нас сидит за столиком с мозаикой. Но мозаику она не собирает. Она на нас смотрит. Долго смотрит. А потом подходит:

— Возьмите меня, я с вами хочу.

Но играть, как мы, она не умеет.

— Чур, я — Королева. У вас же Королевство. Значит, и Королева есть. А это — мои слуги.

Маринка берет кукол в руки и приказывает:

— А ты, когда вернешься, чтобы платье заграничное мне принес, самое красивое. А ты — телевизор с мультиками.

— Не так! — кричим мы с Леной. — Не так надо!

А как надо, нам не объяснить.

А Маринка губы надула:

— Ну и ладно! А я тогда с вами не играю. Тогда кукол отдавайте! Деловые какие — всех кукол себе забрали! Развоображались тут со своим Королевством!

Маринка забирает кукол и уходит. И что-то нашим говорит. Одному, другому. Еще кому-то. Потом они все вместе на нас смотрят и рожи нам корчат:

— Ну, вы! Королевы-дуралевы!

— Вот видишь! — говорит мне Лена.

Я уже хочу ответить им что-нибудь пообиднее, но Лена головой мотает:

— Не надо.

- Наташа, а ты помнишь, зачем ты здесь?
— Как это — зачем?
— Ну... Какое тебе задание в Королевстве дали?
— А что — у меня тоже задание есть?
— У всех есть.
— Я не помню. Может, у мамы спросить? А, Лен?
— Спроси.

Я и спросила. В выходной вечером.

Мы с мамой тогда дома были, и мама стирала в ванной. А я, как зашла к ней в ванную, так и забыла, зачем зашла — я сразу ей помогать стала. Ведь говорит же Анна Николаевна, что мы своим мамам помогать должны. И Лена Бертус так же говорит. Лена давно уже вместе с бабушкой посуду моет.

А я тогда вместе с мамой стирать буду.

И мама сразу же и повеселела, как только я стирать с ней начала. Помощницей меня назвала. А какую мы с мамой пену руками взбили — белую, пушистую! Как снег!

— Мама! Снег! Смотри, снег сыплется!

Я с мамой поиграть хотела, будто снег из пены нам на головы падает, а мама на меня рассердилась.

— Уйди лучше! Не балуйся!

... Ну вот... Всегда так, когда я маму развеселить хочу, она всегда говорит — «не балуйся». Ладно уж... Уйду, раз мама так велела.

И когда я уже за дверь вышла, я вспомнила, что у мамы узнать должна.

— Мама!

— Ну...

— Мама, а я здесь зачем?

— Вот уж не знаю. Если тебе стирать надоело, то лучше уходи, не мешай.

— Мама, ну зачем?

— Чего «зачем»?

— Ну... Что мне делать надо?

— Спать тебе давным-давно надо, вот что надо делать. А ну-ка — в постель! Быстро! В постель, я говорю!

... И совсем она не поняла, о чем я ее спрашивала...

Я так Лене и сказала.

— А ты сама вспомни, зачем ты здесь.

— Как я вспомню?

— Как стихи. Стихи помнить умеешь?

— Не знаю...

И мы с Леной стихи учить стали. Сначала она мне их по книжке читает, а я потом вспоминаю. И рассказываю, как вспомнила.

— Вот! — радуется Лена, — стихи-то ты помнишь.

ГДЕ ЖИВЕТ МОЯ СОВЕСТЬ?

... Уже и зима прошла, и утренник у нас уже был в честь Восьмого марта, а задание мое я так и не вспомнила. Зато на утреннике я целых четыре стихотворения рассказала! Больше всех в нашей группе! И меня похвалили! При маме!

— Развитая у вас девочка! Память у нее отменная!

Это так про меня маме сказали. А память у меня и была «отменная», только храбрости не было. Это же ведь страшно-то как — перед целым залом стихи читать! Раньше я расхрабриться не могла. Зато сейчас, с Леной, только так храбрюсь! И потому у меня все лучше получается, чем зимой. А зимой, на Новый Год, меня даже снежинкой выступить не взяли.

— Смелее, смелее, Наташенька! Не стесняйся! — так мне воспитательница говорила. Не Анна Николаевна, а другая, которая нам на пианино играет. А я все равно стеснялась.

«Стесняться» — это от слова «тесно». То есть на самом-то деле не тесно, а только кажется, что тесно. Будто руки и ноги к тебе приклеились. Тогда уж танцевать — никак. Даже если заставляют.

А с Леной я стесняться перестала.

— Тяните носочек, девочки. С ритма не сбивайтесь! — Так нас тетя учит, которая нам на пианино играет.

А я все на Лену смотрю. Лена носочек тянет как нужно и мне подмигивает. Будто говорит:

— И у тебя тоже получится.

И у меня, в самом доле, все получаться стало! И на утреннике к Восьмому Марта мы с Леной лучшими птичками были. Это мы танец такой танцевали. За танец меня еще больше, чем за стихи, хвалили.

А еще маме сказали, что я послушной стала. А я вовсе и не их слушаюсь. Я Лену слушаюсь, как маму. И если мне что-то непонятно, я всегда у нее спрашиваю, как у мамы. А, может, она и есть моя мама настоящая? Нет, так не бывает. Она бы тогда тетенькой была. А все равно хорошо, что она у меня есть! Я даже в садик после выходных без слез иду, там ведь у меня Лена Бертус.

В эту зиму я даже не болела ни разу. Тоже из-за Лены. Лена же говорит, что когда в девочку, или в мальчика много Злов заберется, тогда он и начинает чихать и кашлять. А в меня Злы никак не могут забраться - мы же с Леной всегда вместе.

А еще я выросла из всего, что носила. Мама удивляется:

— Как за уши вытянули!

И вздыхает:

— Одежду новую надо.

И мы с мамой опять по душным магазинам ходим. Примеряем, снимаем, опять надеваем.

— Не надо мне такое платье!

— Это почему же?

— А мне, как у Лены Бертус. Пусть мы с ней как сестрички будем.

— Где же я тебе найду все как у нее? Что куплю, то и будешь носить. И нечего кукситься! Ишь, чего придумала — как у Лены.

Я реву, как будто у меня что-то отобрали. Я и так-то на Лену непохожа. У Лены и волосы темнее, и глаза. И вообще: нос, рот — все у нас непохожее. А я похожей на нее хочу быть. Но разве маме что-нибудь объяснишь!?

Я так реву, что на нас оборачиваются:

— О, боже!

— Хоть уши затыкай!

— Женщина, успокойте ребенка!

Мы уходим из магазина. Садимся на лавочку. У мамы лицо такое, как в тот раз, когда я рыбку замучила. Я и в этот раз замучила. Только не рыбку, а маму. Она сама мне так сказала:

— Наташка, ты меня совсем замучила. Ну, совесть-то у тебя есть?

А я и сама не знаю. Вот мама у меня есть. А больше никого нет — ни папы, ни братика, ни сестренки. И совести тоже нет.

— Совесть у тебя есть? — повторяет мама.

— Нету.

— Оно и видно, что нету.

— А совесть — это кто?

— Тьфу ты! Отстань ты от меня! — сердится мама. — Пошли домой! Если тебе одежда не нужна — можешь вообще голой ходить! Капризуля!

Мама тащит меня к остановке.

— Мама, а Совесть где живет?

Я ее так спрашиваю, потому что узнать хочу — а может, она, моя Совесть, все-таки живёт где-нибудь? Маринкина бабушка, например, — под Ленинградом живёт. А ещё наш сосед говорил, что у него теща — в деревне, а свояк — в Омске. А, может быть, и у меня Совесть тоже есть, только в другом городе?

— Мам! Ну где Совесть живет?

— Ох... Да нигде она не живет.

— Значит, нет у меня совести, — грустно вздыхаю я. — У меня только ты есть и Лена Бертус.

ПОЧЕМУ МЫ НЕ БУДЕМ ВМЕСТЕ

Листья на деревьях уже совсем развернулись, тепло на улице. А мы-то с Леной в одинаковых платьях!

Это моя мама купила сразу два платья — Лене и мне. В том магазине, где вещи только дешевые продают. Эти два платья дешево стоили, потому что на них брак был — дырочки маленькие. А мама моя дырочки все зашила так, что их и не заметно.

Одно платье мы Лене подарили. А другое я ношу. И до чего здорово, что мы с Леной одинаковые стали! Я подхватываю Лену, и мы кружимся, кружимся, кружимся вместе по садиловскому двору. Долго-долго кружимся, пока нас ноги держат.

Но что-то Лена сегодня не такая, как всегда. Все думает о чем-то.

— Скоро меня насовсем заберут — говорит она.

И мне сразу страшно становится и холодно, хотя уже лето на улице.

— Как это — насовсем?

— Я больше не пойду в садик. Меня в школу отдадут.

— Ты же говорила, что тебе еще долго до школы.

— Меня к врачам специальным водили. И врачи сказали, что в садике мне нечего делать.

— Это тебе-то нечего?

Да ведь в группе для Лены всегда воспитательница дело находит. То цветы полить, потому что Лена умеет воду не проливать. То стихи учить, то танцы к празднику. И даже книжки читать всей группе. Лену на стул усаживают, и она книжки всей группе читает, как взрослая. А еще говорят, что Лене делать нечего! Ну и врут же!

— Мне учиться нечему в садике. Я уже все умею. И меня в школу отдают.

У меня в глазах закипают слезы и катятся одна за другой.

Было у меня хоть что-то от Королевства Радости, а теперь не будет.

— Не плачь. Еще целая неделя осталась.

— А я с тобой хочу!

— Нельзя со мной. Не плачь, а то...

Лена не сказала, что случится, если я заплачу. Оно уже случилось — она сама от меня заплакала.

В первый раз я увидела, как Лена плачет. И я бы все, что она хочет, сделала, лишь бы ее слез не видеть. Вот так же со мной бывает, когда мама моя вдруг заплачет.

— Ты приходишь будешь? А, Лена?

— Нет. Меня далеко увезут. В Москву.

— Почему в Москву?

— Бабушка так сказала. Не эта только, а молодая бабушка. Из Москвы не придешь.

Но мы же встретимся.

— Где?

— Если даже здесь не встретимся, то в нашем Королевстве точно. Только я туда раньше тебя попаду.

— Почему?

— Знаю так.

— А если я с тобой?

— А как ты туда попадешь?

— Ну... Буду идти, идти... И приду.

Лена ходит возле садиковского забора, словно палки у забора сосчитать хочет. Туда. Потом обратно. И травинки рвет. Это Лена так думает. Ей так думать легче. А я ее жду.

— Наташа! Если ты вернешься в Королевство, то вернешься насовсем.

— Я и хочу насовсем.

— А мама твоя?

— Что мама?

— Ты там будешь, а мама твоя тут останется.

Нет, маму свою я люблю все-таки. А разве это честно — самой в Королевстве жить, а маму здесь оставить? А кроме меня у мамы нет никого. Она сама мне так говорит. Когда я ее спрашиваю, почему у нас папы нет, она отвечает:

— Он слишком далеко уехал.

— А бабушки и дедушки, почему нет? У других-то есть.

— Мы сами от них далеко уехали. И, вообще, нам и вдвоем неплохо. Ага?

А вот и нет. Ей-то еще как плохо — по лицу вижу. А если еще и без меня останется?

— Да, Лен. Вот если бы у нее кто-то вместо меня был...

— Будет.

— А когда будет? А он — кто?

— Не знаю. Будет! Увидишь.

— Ну, вот когда увижу, что она не одна без меня, тогда мне и в Королевство

можно?

— Ребята! В группу! Строимся парами! — воспитательница подходит к нам. — Девочки! Я уже третий раз вам кричу, а вы как не слышите!

ПОЧЕМУ МАМИНЫ НОЖКИ ТАК БЫСТРО БЕГАЮТ

После тихого часа Лена читает всей группе сказку.

Такой сказки я еще не слышала. Про то, как заяц расхвастался, что его длинные ноги быстрее бегают, чем ноги ежика — коротенькие и кривые. А ежик обиделся и сказал, что он и на таких коротеньких и кривых ножках все равно зайца обгонит.

Сказка, наверное, интересная, но я не слушаю, я на Лену смотрю. Вот скоро ее и не будет со мной. Еще ладошка, то есть неделя — и все! С кем же мне тогда дружить? А, может, что-то случится, и никуда ее не повезут? Может, передумают? Может, билетов не будет? Хоть бы что-нибудь случилось...

— Как же это ты, ежик, обогнал меня? На своих-то коротеньких лапках? — читает Лена конец сказки.

А как это получилось, что ежик зайца обогнал, я прослушала. Но все равно я теперь знаю, что коротенькие и кривые ножки бегают быстрее длинных.

— Наташа! — Это за мной мама пришла. А с ней какой-то дядя. Он садится передо мной на корточках, весело подмигивает и говорит:

— Так тебя, значит, Наташей зовут? А меня — дядя Игорь.

И протягивает мне шоколадку. Значит, не жадный. И добрый, наверное. Но все равно я его немножко боюсь — он такой большой-большой! Больше мамы!

— А я вот решил твою маму до садика проводить. А то, думаю, заблудится.

Он маме подмигивает, а мама смеется. Мне тоже смешно — ну разве мама может заблудиться и садик мой не найти? Это дядя Игорь шутит так. Значит, веселый. А если не жадный и веселый, то зачем его бояться? И я совсем осмелела и за руку его взяла.

Теперь я за две руки держусь — за мамину руку и за руку дяди Игоря. А за две руки держаться совсем не то, что за одну — можно и ноги поджать, и тогда меня на весу несут. Я не иду, а в воздухе висну, совсем как в Королевстве Радости. То есть не совсем так, но все равно — здоровско!

На одной только маминной руке так не повисишь! А если мама грустная, то и на ручки не возьмет, сколько бы я ни просила.... Скажет: «Не висни на мне, я устала».

А сейчас я висну и висну у них обоих на руках, и они не говорят, что от меня устали. Дядя Игорь все что-то рассказывает, а мама смеется. Какая она сейчас красивая! Вот такие мы все и были там — в Королевстве Радости. Вот бы и здесь так же, как там! Вот бы всегда так!

Домой мы приходим с дядей Игорем. И мама все так же улыбается. А когда мне уже спать пора, мама отчего-то стесняется и говорит дяде Игорю, что уже поздно, и ему домой пора.

— Мама, а пусть он у нас останется! Погостить!

Теперь они почему-то оба смущаются. И дядя Игорь говорит, что придет завтра. Если мы не против.

— Мы — не против, — дружно отвечаем я и мама.

Он уходит, а мама берет меня на руки и вдруг... кружит по комнате, как карусель. Значит, ей до сих пор еще радостно. Значит, та радость, которую нам дядя Игорь принес, не ушла вместе с ним, а на целый вечер еще у нас осталась. Эта радость сейчас в маме и во мне. И во мне радости так много, что я даже не знаю, что с ней делать: я скачу по комнате, по дивану, потом с дивана — на пол, с пола — опять на диван.

— Наташа! Да успокойся же! Спать пора!

— Мам! А правда — он хороший?

Мама вздыхает, будто ей тяжело. Но лицо у нее не грустное. Совсем даже наоборот. Но почему-то она стесняется говорить про дядю Игоря. Улыбается только и молчит.

— Мама! А пусть он у нас папой будет?

— Если я ему очень понравлюсь, то будет.

Вот и хорошо! Теперь мне и в Королевство Радости можно. Если у мамы теперь дядя Игорь будет, значит, она не одна останется. А, может, и в Королевство мне уже не нужно? Вот ведь она — здесь, с нами — такая же в точности Радость, как и в самом Королевстве...

... И вот настает завтра. Суббота. Я уже проснулась, но с постели еще не встаю. И слышу, как мама по комнате ходит, что-то трет, двигает. Торопится. Потом все стихает. Открываю глаза, а в комнате такой порядок! Занавески другие, скатерть праздничная. И игрушки мои все до единой прибраны. А сама мама уже голову вымыла и сидит — феном волосы сушит. А потом ресницы красит. Не люблю, когда она себе лицо раскрашивает. Это так долго! И лицо у нее тогда как чужое становится. Я даже боюсь ее раскрашенную.

— Зачем ты раскрашиваешься?

— Ну... чтобы красивой быть. Чтобы нравиться.

— Дяде Игорю нравится?

— А почему бы и нет? — мама смеется.

— А-а-а... Ну, тогда давай — раскрашивайся.

А когда приходит дядя Игорь, мы втроем идем гулять. И нам так же весело, как вчера. Наверное, мама ему очень-очень нравится. Что бы такое придумать, чтобы она ему еще больше понравилась? Чтобы он у нас насовсем остался.

Мы в догонялки играем. Сначала я убегаю от него, потом — он от меня.

Как странно! У него ноги такие длинные и большие, как у зайца из вчерашней сказки, а он догнать меня никак не может. И в самом деле, длинные ноги бегают медленнее, чем маленькие.

— А пусть теперь мама нас с тобой догоняет, а мы от нее убегаем.

Он сажает меня на плечи и бежит от мамы. Но мама его тоже догоняет очень быстро.

Вот я и придумала, что сказать дяде Игорю, чтобы мама еще больше ему понравилась:

— А знаешь, почему мама так быстро бегает? Потому что ножки у нее коротенькие и кривые, как у ежика — шепчу я дяде Игорю в ухо.

— О чем шепчетесь? — мама подходит к нам.

— Да вот ребенок говорит, что у тебя ножки коротенькие и кривые, как у ежика.

Мама так смеется, что чуть не падает. А дяде Игорю почему-то не смешно.

— А я что-то раньше и не замечал. Отойди-ка, — говорит он маме, — я посмотрю. Правда, что ли, кривые?

И больше им не смешно. И не весело. Особенно маме. Дядя Игорь провожает нас до дома, но домой к нам не заходит. Говорит, что заглянет завтра. Может быть.

Вечером мама молчит и о чем-то думает, думает...

— Наташка, ты что же меня позоришь-то?

— Как позорю?

— А про ноги мои ты что сказала?

— Я не хотела позорить, мамочка!

И я сказку про ежика и зайца маме рассказываю. И тут только понимаю, что середины не помню. Не помню, почему ежик зайца обогнал.

— Дурочка ты моя, — говорит мама. — Слышала звон, да не знаешь, где он.

А на завтра, в воскресенье, дядя Игорь не приходит.

Мама целый день то из нашей комнаты в окно смотрит, то на кухню уходит — там в окно смотреть. Но дяди Игоря нет, как нет.

А вечером у мамы вдруг одна за другой две чашки разбились. Потом она пересолила картошку. А пересоленное я есть не могу. И мама варит мне манную кашу. На скорую руку. И в это время звонок в дверь, и мама бежит открывать. Нет, не он. Это к соседке пришли. А пока мама ходила открывать, на плите каша подгорела.

— А ты-то что сидишь? Не чуешь, что ли, чем пахнет? Уж давно бы выключила!

И мама плачет. Я знаю, плачет она не из-за каши.

Была у нас троих радость, совсем такая же, как в Королевстве Радости. Я думала, она у нас так и останется. И зачем я сказала про короткие кривые ножки? Это все из-за меня, из-за дурочки...

ПОСЛЕДНЯЯ НЕДЕЛЯ С ЛЕНОЙ

Всю эту неделю мы с Леной не можем нагуляться, наговориться и наиграться вместе.

— Лена, а может, ты не поедешь? Может, поезд сломается?

— Поеду.

Без Лены мне хуже будет. Я это знаю. И Лена тоже знает. Она уже не плачет. Она смотрит на меня совсем так, как мама смотрит, когда я простыла и мне горчичники ставить надо.

— Да, это больно. Но надо, — говорит мама.

— Так надо — говорит Лена совсем как мама.

И вдруг... Что это с Леной? Она будто слушает что-то.

Мы с ней первую капель с крыши слушали. А потом — как ручейки под сугробами журчали. Наклонялись к самой земле и слушали. А когда снег растаял, Лена придумала еще и деревья слушать.

Она сказала, что в деревьях тоже ручейки журчат. Я к березе ухом прижалась, как Лена — и вправду журчат.

А сейчас она ни к чему ухом не прижимается, а все равно что-то слушает. А мне не слышно — что. А Лена и говорит:

— Бить тебя будут. Дурой будут звать. А ты не бойся ничего.

— Почему это меня будут дурой звать?

Мне даже обидно. Лена ни разу меня дурой не звала. Почему же теперь-то?

— Это не я. Другие будут — говорит Лена.

— А почему? Я же не дура.

— Да? Не дура? А кто же, как не дура, если про мамины ноги так сказала?

Это даже не Лена мне говорит. Это какой-то голос из меня самой, прямо из головы моей, меня ругает. Но я-то думала, что хорошее говорю...

— Ты здесь жить не умеешь — говорит Лена. В Королевстве ты знала, как жить, а как здесь — не знаешь. Ты и здесь будешь — как там. А здесь за это дурой зовут.

А мне от Лениных слов страшно так, что даже холодно. Она же всегда говорит то, что будет.

Как же я без Лены? Это только она так умеет — кому в глаза поглядит — из того и все Злы убегают. А я так не умею. Если меня обижают будут, мне драться придется.

— Только не дерись — говорит Лена.

Она как всегда — я еще только подумала, а сказать не успела. А Лена уже услышала.

— Не дерись — говорит Лена.

— Ага, — не дерись! Еще как и буду! И кусаться буду. И царапаться! Они меня бить будут, а я чего? На месте стоять должна? Нетушки!

— Не дерись! Наташенька, милая, нам с тобой драться нельзя.

— Почему?

— Мы с тобой — девочки. А девочки, когда дерутся — они о Королевстве забывают.

— Почему?

— Потому что. Я-то уже забыла в первый раз. А когда авария с нами была, то я опять в Королевство попала. И мне там сказали, что я их забыла, потому что дралась. Даже с бабушкой своей дралась. А так нельзя.

— Так тебя из-за этого в Королевстве и не оставили?

— Не знаю почему. Папу с мамой оставили, а мне сюда вернуться велели.

... В последний наш день Лена попросилась все цветы в группе полить. На прощание. И Анна Николаевна ей разрешила. А пока Лена поливала, за нами уже пришли. За мной мама, а за Леной — бабушка. И я маму уговорила Лену подождать, чтобы всем вместе на остановку идти. Так мы хотя бы еще немножко вместе с Леной побудем.

А пока мы Лену ждем, ее бабушка моей маме все рассказывает и рассказывает. Она Лену сиротой называет! Как Крошечку-Хаврошечку. Потому что у Лены тоже папы и мамы нет, как у Крошечки-Хаврошечки. То есть, их здесь нет, а в Королевстве-то есть. И Лена об этом никогда не плакала. А бабушка ее почему-то плачет. Какое она слово странное сказала — «насмерть». Надо будет у мамы спросить, что такое «насмерть».

— Их-то обоих сразу насмерть, — всхлипывает Ленина бабушка. — А Леночку-то мы выходили. Дни и ночи возле нее просиживали. Ходить сызнова учили. Леночка-то опосля аварии как не в себе стала. Не бегает, не играет. Сядет и сидит. Вроде как спит сидя. А скажешь чего — дак ровно и не слышит. Может, думаю, о папе с мамой тоскует? А она говорит: «В королевстве они, бабушка». В каком-то еще Королевстве. Видать, это в больнице ей про Королевство-то сказали. Чтоб, значить, не спрашивала. Да, говорю, конечно, в Королевстве. Сердешная-то моя!

Ленина бабушка плачет и вытирает слезы скомканным платочком.

— Если Лена говорит, что в Королевстве, то ей верить надо, — хочу сказать я. Но молчу. Ведь не поверят.

— Раньше-то, до аварии, я ее все за озорство ругала. Плакала от ее даже. А тут... Вот как подменили! Хоть бы сломала что, как раньше, разбила бы... А то ить сидеть и сидеть, как неживая. Я и напугалась — голову, думаю, что ль, в аварии-то повредила, дак дурочка теперь. Нет, гляжу — книжки-то слушает, когда книжки ей читаю. Да еще

просит: «Почитай да почитай, бабуля». Иной раз до того дочитаюся, что и в глазах-то зарябит. Устала, говорю. А она мне: «Научи да научи меня». Сама, мол, читать буду. Таким макаром я читать-то ее и выучила. Пяти еще не было, а она уж... Вот и думай опосля — дурочка она, али как?

— Ну, какая же она дурочка? — говорю я. — Она всех в группе умнее.

— Верно, миленькая, — лицо Лениной бабушки собирается в улыбку. Все морщиночки ее улыбаются.

Ленина бабушка меня по голове погладила, и я совсем расхрабрилась. Надо, думаю, ей сказать, чтобы она Лене про Королевство верила.

— Лена, говорю, и тебя даже умнее.

А моя мама не дала мне сказать, почему Лена умнее бабушки.

— Невежливо так со старшими разговаривать. Как тебе не стыдно?

И молчать мне велела. А Ленина бабушка все рассказывает и рассказывает:

— От ума-то ее вся и беда. Как дочка из Москвы приехала — бабушка-то ее, на Леночку как поглядела, так в Москву-то и стала с собой собирать. Она, говорит, способная. По врачам ее потащила — это чтобы в школу-то ее с шести взяли. И врачи-то по-ейному сказали — вундеркинд у вас ребенок, говорят. Чего, говорят, ей в садике делать. Пушай в школу идет с шести лет. Это махонька-то такая! Да кабы здоровая-то была... А то ить тока-тока опосля авареи оклемалася. Выучила, дура старая, себе на голову!

И Ленина бабушка сжимает кулачок и по лбу сама себя бьет. Первый раз вижу, чтобы люди сами себя били.

А пальцы у Лениной бабушки на птичьи лапки похожи. И тут Лена подошла, и бабушка так крепко ее к себе прижала своими птичьими лапками, что мне их обоих жалко стало.

— Никуда бы ее от себя не пустила — утирает слезы Ленина бабушка. — Да здоровья-то у меня на ее нету. Я ить ей уж прабабушка. Уж мне на девятый десяток.

... И пока мы все вместе идем к остановке, Ленина бабушка все рассказывает, что и где у нее болит. Мама слушает и головой кивает.

А мы с Леной впереди идем. Не слушаем никого. Мы ведь в последний раз друг на друга глядим.

— На! Возьми на память — Лена откалывает от платья брошку-щечочка.

Знает, что мне нравится. Потому что я у нее этого щечочка просила поносить еще раньше. И Лена мне давала. А теперь насовсем дарит. А у меня нет ничего, чтобы ей подарить. Только платочек чистый в кармане. Я в него еще не сморкалась. И я дарю ей этот платочек.

И только мы к остановке подошли, как автобус пришел. И Лена со своей бабушкой села в автобус и уехала. Насовсем.

ЧТО СТАЛО С ЛЕНИНЫМ ЩЕНОЧКОМ

Теперь я без Лены. Я все жду, что меня вот-вот бить начнут и обзывать. Лена ведь сказала, что это будет. Значит — будет. А пусть только попробуют, пообзывают. Я тогда такие для них обзывалки придумаю, что...

Но бить и обзывать меня почему-то не торопят. Только Маринка Ковалева, бывшая моя подружка, рада меня обидеть:

— Что, ушла твоя Леночка-Пеночка? С кем теперь водиться будешь?

И смотрит на меня так, будто ей смешно. И говорит:

— А у меня-то пупсик есть.

И, правда, пупсик у нее. Как раз такой, какого я хотела давно — такой маленький, что в ее кармане умещается.

— А дай мне... Подержать... Пожалуйста...

— А вот и фигурки — и Маринка фигу показывает. — Вы с Леночкой меня играть не брали? Не брали. А теперь я тебе пупсика не дам.

Так что с Маринкой я не играю. А с другими играю, но разве это интересно? После того, как мы с Леной играли?

Я сажусь рисовать. Теперь карандаши моей руки слушаются и не ломаются почти. Это Лена научила меня рисовать так, чтобы карандаши не ломать. Я рисую Королевство Радости. И Лену Бертус, которая меня там встречает. Так мне как будто легче. Ее брошечку-щеночка я к платью приколола. Я могу рукой его потрогать. Но когда он на платье, то на него никак не посмотреть. И я его от платья отколола, чтобы смотреть на него.

... А лучше бы я не откалывала. Тогда бы он не потерялся...

Я везде щеночка искала — и в раздевалке, и под кроватями, и во дворе. Но нет его нигде! Откуда у меня слез столько? Даже Анна Николаевна удивилась, сказала, что и щеночек-то таких слез не стоит.

— Наташа! Скажу я твоей маме — купит она тебе такого же щеночка, в любом киоске.

— Не на-а-адо-о!!! Не хочу в киоске. Это Ленин был щеночек! — я даже говорить не могу, я не говорю, а вою.

Мне уже и реветь-то больно, и слезы уже закончились.

Мне уже и страшно — вдруг я так и прореву всю жизнь до старости, но все равно остановиться не могу.

Анна Николаевна вздыхает и берет меня на руки. И укачивает, как маленькую. Никогда еще Анна Николаевна не была на маму похожа. Я даже и не знала, что у нее тоже голос мягким бывает. Значит, и она тоже умеет доброй быть. Почему же я раньше этого не знала?

... А в пятницу — вот счастье-то какое! — дождь пошел, и на прогулку мы в курточках вышли, и когда я руку в карман курточки сунула, то там, в кармане, конфету нашла! Это Лена давно еще мне конфету дала, а я про нее забыла. Зато теперь она у меня есть! Последнее, что у меня от Лены осталось.

Эту конфету я всю прогулку в кармане носила. Я ее на память оставить хотела. Только я так не умею, чтобы у меня конфета была, а я ее не съела. Я терпела-терпела и все-таки съела Ленину конфету. У меня в руках только фантик от конфеты остался, а выкинуть его мне жалко. А еще жальче, что я щеночка Лениного потеряла.

И когда мы с мамой на остановке автобуса ждем, я кручу и кручу в руках фантик от Лениной конфеты, пока он не становится на того щеночка похожим. Вот — мордочка. А здесь — ушки. А тут — лапки.

Подходит автобус. Мы с мамой хотим пробраться, но никак. Народу — тьма.

— Давайте сюда ребенка — кричат маме.

— Пойдешь к тете на колени? — спрашивают меня.

— Ага! — киваю я.

И меня подхватывают чьи-то сильные руки и передают какой-то тете. Теперь я сижу у нее на коленях. А мама кое-как, но тоже в автобус забралась. Двери закрываются. И тут только я вижу, что щеночка того, что я из фантика скрутила — нет. Ни в руках, ни в кармане — нигде нет!

— Мой щеночек! Щеночек мой! — реву я на весь автобус.

— Что?

— Где?

— Какой щеночек? — спрашивают люди в автобусе.

— Мой! Мой щеночек! Мы уехали, а он там остался! На остановке!

— Женщина! Разве так можно, — говорят моей маме. — Завели щенка и бросили на остановке! А ребенок страдает!

— Какого щенка? Не было у нас щенка — мама моргает глазами, будто только что проснулась.

— Был! Был! Мой щеночек! — кричу я.

— Водитель? Останови! — кричит какой-то большой дяденька. — Там на остановке собаку забыли!

Меня передают обратно маме в руки. Мы выходим из автобуса.

— Наташа! Ну, что ты еще выдумала? Какой еще щенок?

А я ей не говорю, мне же некогда — я на остановку бегу. Я там щеночка найти должна. Но и на остановке его нет.

— Наташа! Что ты ищешь? Ищешь-то что?

И когда я маме, как глупой, объясняю, она головой качает.

— О, господи! Ну и дурочка! Уж давно ветром сдуло твоего щеночка.

ЧТО ТАКОЕ «НАСМЕРТЬ»

Мы с мамой подходим к дому и слышим музыку на улице. И зачем это столько народа собралось? А музыка не из радио играет и не из магнитофона, а настоящие музыканты прямо у подъезда стоят. Двое в мятые трубы дуют, а третий в медные тарелки бубухает. А музыка у них такая, что плакать хочется. И люди, которые у подъезда собрались, тоже невеселые. Вон тетенька с первого этажа — она даже плачет.

— Мама, это что — очередь? Мама, а за чем тут очередь?

— Хм! Очередь... — мама кивает головой.

— Очередь, очередь — вздыхает какая-то бабулька. Все мы там будем, когда очередь наша придет.

— Это — похороны, — говорит мама.

Мы с ней пробираемся вперед, туда, где тетенька с первого этажа плачет. А там, на табуретках коробка большая стоит. Нарядная такая, красная. И в ней дяденька лежит. Тот, который с этой тетенькой всегда вместе ходил. Что же он здесь спать-то улегся, прямо на улице? И как это ему музыка не мешает? И почему тетенька его рядом стоит и плачет?

— Он умер, — объясняет мама.

— А люди разве умирают?

А я-то думала, что только звери умирают.

Как умерла рыбка, я, наверное, никогда не забуду. Слишком я виновата. А еще я голубя видела без головы. Он был совсем как ненастоящий — твердый такой и холодный.

— Голубь умер. Он мертвый — сказали мне.

А что люди тоже умирают, я и не знала. И дяденька в красной коробке тоже, как тот голубь, ненастоящим кажется, как кукла большая.

— А умер-то отчего? — шепчет кто-то. — Совсем ведь молодой еще.

— Током ударило на заводе. И — насмерть.

... Нарядную коробку с дяденькой закрывают такой же нарядной крышкой и несут в старенький автобус. Автобус уезжает, и люди расходятся. Мы с мамой тоже идем домой.

— Мама! А куда его повезли?

— На кладбище. Там похоронят.

— А как это?

— В землю зароят.

— Мама, а помнишь — одна бабушка сказала, что мы все там будем? Так это что — нас всех в землю зароят? И меня тоже?

А мама глаза кверху поднимает и вздыхает:

— Это еще нескоро. Ты будешь жить долго-долго.

— А потом все равно умру? Когда очередь моя придет?

— Но ведь все умрут когда-нибудь.

— А ты?

— И я тоже.

А мне так страшно, что мама когда-нибудь ненастоящей станет, как тот голубь без головы...

— А вот и нет — мы с тобой не умрем.

— А куда ж мы денемся? — грустно говорит мама.

— А что же — я умру и ненастоящей стану? И разговаривать не смогу?

— Не думай об этом. Это еще нескоро.

— А когда того дяденьку зароят, он что там делать будет?

А мама плечами передернула, будто на сквозняке стоит.

— Мам? Ну, мам?

— Что?

— Ну что там дядя делать будет?

— Тьфу! Да ничего не будет. Сгниет и все.

— Как — сгниет?

— Червяки его съедят — и все.

— Совсем всего съедят? И ничего не останется?

— Наташка! Перестань!

Маме, наверное, и самой страшно. А мне-то еще страшнее!

— А если я умру? Не-е-ет! Не хочу, чтоб червяки меня ели!

Слезы льются из меня как вода из душа.

— Наташа, да успокойся ты, не реви. Вот послушай-ка. Если ты будешь доброй и послушной, то не умрешь.

— Правда?

А мама вроде как и сама не верит в то, что говорит. Может, она только утешить меня хочет? Потому что когда она меня той зимой на уколы водила, то так же утешала: сказала,

что это совсем не больно, как комарик укусит. А на самом деле больно было, да еще как! Может, мама и сейчас врет? Лишь бы я не плакала?

Мама на кухню ушла — ужин готовить. А я, чтобы она меня больше не утешала, как совсем глупую, потихоньку от нее реву—в подушку. Так, чтоб неслышно было....

... Как же там, у подъезда, про дяденьку мертвого сказали?

— Умер-то отчего?

— Током ударило. И — насмерть.

Насмерть. Вот про какое слово я маму спросить хотела и забыла. Где же я это слышала? Насмерть? А! Помню!

Ленина бабушка говорила, что Ленины папа и мама «насмерть». И тоже о них плакала, как та тетя сегодня у подъезда.

А Лена сказала, что их в Королевство взяли. А может и дяденьку с первого этажа тоже в Королевство взяли? А в красную коробку вместо него куклу ненастоящую положили. И сказали, что это — он.

Значит, и меня тоже. И меня — так же, когда очередь моя придет. Меня — настоящую в Королевство заберут, а меня — ненастоящую в такую же коробку положат. И все поверят, что это — я.

И плакать будут... Дураки...

.... — Наташенька! Золотко мое! Так ведь и уснула не раздевшись! Совсем уморилась!

... Я уже не сплю. То есть маленько-то сплю еще. Значит, я ревела-ревела, и уснула. А сейчас мама с меня одежду снимает и, как положено, спать укладывает. В постель.

Про что же я думала, когда засыпала? Про что-то ведь нужное думала! Про то, о чем давно знать хотела. А сейчас поняла. Сама поняла — никто мне не объяснял. Но про что? Уже не помню.

ЕДЕМ В СОЧИ

— Наташка! А ну-ка угадай, какая у нас с тобой радость?

Мама как пришла, так и подняла меня над собой. Легко, как пушинку! А глаза у мамы как звездочки светятся. Значит, и в самом деле — радость у нас. А самая большая радость — это мой день рождения. Мама сказала, что это уже скоро. И мне целых пять лет исполнится. Мне подарки подарят. А в группе еще и «каравай» вокруг меня будут водить.

— Ну? Какая у нас с тобой радость?

— День рождения, да?

— А вот и нет, не угадала!

Мама сейчас такая веселая, даже на девочку похожа.

— В кукольный театр пойдем?

— Нет! В Сочи едем! — мама даже подпрыгнула от радости. — Мне отпуск дают. И мы с тобой поедem на юг. В Черном море купаться.

— В черном? Так мы же испачкаемся!

— Нет, оно только называется Черным.

И мама показывает мне его на карте, где все моря и океаны нарисованы. Билеты туда стоят дорого. Да и жить там «влетит в копеечку». Так наша соседка тетя Лиза сказала.

Но ведь мама не зря целый год на двух работах работала.

Раньше у нас в комнате только шкаф стоял, и моя кроватка. Мама на раскладушке спала. А вместо стола у нас большой ящик был. Мы его клеенкой клетчатой накрывали. А за зиму мама настоящий стол купила. А потом еще один шкаф, диван и два кресла. И еще у нее денег осталось, чтобы на юг со мной съездить.

Как это долго все: чемоданы собирать, за билетами стоять, а потом места свои искать в вагоне! Зато когда поезд тронулся, так интересно стало! Ведь поезд быстрее автобуса едет. А кажется, что не поезд едет, а картинки за окном бегут быстро-быстро, как в кино. И ветер задувает в форточку.

— Наташа! Слезь с верхней полки!

— Ну, мамочка! Я же только забралась!

— Слезь! А то свалишься!

— Да я держаться буду.

— Наталья!

— Да пусть ребенок ползает, — улыбается тетенька напротив. Сами вы, что ли, маленькой не были?

И мама уступает.

КАК Я АРТИСТКОЙ СТАЛА

Мама уже с соседями познакомилась. А я что же? Мне тоже знакомиться надо. А соседей тут — целый вагон. И какие все разные! Есть совсем русские. Есть похожие на Тамару Нижерадзе из нашей группы — с черными глазами и волосами, как шуба соседкина из черного каракуля. А есть тут люди с лицом плоским, как блин, с узкими глазами. Как Курманбеков из старшей группы.

— Наша страна — многонациональна — говорила Анна Николаевна.

А говорят здесь, в вагоне, тоже по-русски. Но так, что не сразу их и поймешь: один картавит, другой слова растягивает, третий, наоборот, торопится, будто боится, что его не дослушают. А один дядя все на «о» говорит, будто всех посмешить решил. А вон та тетя вроде русские слова говорит, но какие-то смешные. Я таких и не слышала. И все друг с другом знакомятся, улыбаются, угощают друг друга. Значит, можно жить и не ссориться! Даже если один на другого не похож. Не то, что у нас в группе.

Над тобою солнце светит, Родина моя!

Ты прекрасней всех на свете, Родина моя!

Это София Ротару поет. Здесь на каждой стенке радио маленькое приделано, и она из радио поет. Мы под эту песню танец на Первое мая в садике танцевали. Так что я эту песню хорошо знаю. Но чтобы все на самом деле, как в песне было — сразу столько людей разных: черных, рыжих и льняных — такое я только сейчас увидела!

И я вместе с Софией Ротару запела. Потому что сейчас все как в песне: и солнце светит, и люди, как солнца — добрые. Лица у них — разные, и волосы — разные. Но все они — моя Родина.

Я люблю, страна, твои просторы.

Я люблю твои леса и горы.

Синие просторы и глубокие моря!

А леса и горы — тоже здесь! Вот они — за окошком пробегают.

Я, ты, он, она!

Вместе — целая страна!

И так здоровско, что мы с Софией Ротару сразу про всю страну поем! Так здоровско, будто я опять в Королевстве Радости! И его, этого здоровского, так во мне уже много, что оно во мне не помещается.

И тут София Ротару петь перестала. И я тоже перестала. Гляжу, а люди, те, кто в вагоне, все на меня смотрят. И улыбаются. Будто хвалят. Значит, я хорошо делаю, что пою.

— А я еще и стихи знаю — говорю я людям. И я читаю им «Мойдодыра». И «Муху-Цокотуху». Громко и выразительно, как мы с Леной учили. И даже не стесняюсь ни чуточки!

А как мне в ладоши хлопают! Как артистке настоящей! На утреннике в садике мне и то так не хлопали.

А смотрят-то на меня как! У нас в садике только на Деда Мороза так смотрели, когда он к нам на утренник пришел. И всем его потрогать захотелось — он же волшебный. Вот и меня тоже все сейчас трогают — кто по голове гладит, кто целует, кто руку жмет. Будто я тоже волшебная и раз в год прихожу, как Дед Мороз. Только я не подарки сегодня раздаю, а свою радость.

Ну и пусть эту радость съесть нельзя, как конфеты из подарка новогоднего. И даже потрогать нельзя. А все-таки есть она — радость. Раньше только у меня была, а теперь у всего вагона. Я ее на всех разделила, как в Королевстве. И глаза у всех сейчас такие, как только в Королевстве бывают. Будто я опять туда попала.

Но это еще не все. Еще меня конфетами угощают. И печеньем. И всякой разной вкуснятиной, которая даже не знаю, как называется. Ой, как много-то всего! Даже в карманы не вмещается!

И тогда я подол загибаю, и мне все в подол складывают. И только тут я маму вижу. Она рядом стоит и головой качает. И покраснела почему-то. Опять я, что ли, что-то стыдное сделала?

— Дочка, ну, как не стыдно? Как милостыню собираешь.

... Странно... Что же я не так сделала? Вроде все как надо... Спросить, что ли, у мамы, что такое «милостыня»?

— Ничего! — тетя, у которой место рядом с нами, опять за меня заступилась. — Ничего. Артисткой станет!

И на колени меня взяла.

... Наутро весь вагон зовет меня «наша артистка».

— Ну, как нашей артистке спалось?

— Артистка! На-ка — угощайся. Бери-бери, тебе расти надо.

— А откуда же наша артистка едет?

Куда я еду — об этом не спрашивают. Куда и все едут — к морю, которое почему-то Черным зовут.

ЗА ЧТО МЕНЯ ВЫПОРОТЬ НАДО

— Мама! Море! Море!

Море видно из окна вагона.

— Мама! А оно и не черное. Оно зеленое!

— Наташа! Собираться пора!

— Ага, мама. Сейчас.

А сама не отхожу от окошка — столько воды сразу я еще не видела. В нашем же городе моря нет! Только речка, да и та — маленькая.

Вот мы и в Сочи. Как тут жарко! Асфальт нагрелся на солнышке так, что даже сквозь босоножки ногам горячо. Хорошо еще, что на траве тут фонтанчики. Можно на себя побрызгать и на маму, тогда не так жарко будет.

— Наташа! Куда! — мама меня за руку хватает — Не видишь, что ли — это не для людей, а для травы, чтобы траве жарко не было. Чтобы газоны не повяли.

И мама уводит меня с газона,

— А для людей — вот где — и мама мне другой фонтанчик показывает — совсем маленький, как раковина в ванной. Он не такой красивый, но из него зато пить удобно.

— Мама, а когда мы в морекупаемся?

— Ну, что же мы — прямо с чемоданами и пойдем?

— А что?

— Ой, дурочка.

Мы с мамой идем в гостиницу. Это дом такой большой, где живут все, кто сюда, как мы, в отпуск приехал. Нам в том доме дают комнатку. Мама распаковывает вещи и садится на кровать:

— Теперь и отдохнуть можно.

— А к морю когда?

— Наташа, ты разве не устала?

— Не-а!

— А я — устала. Давай поспим.

Мамин голос уже сонный-сонный. Вот странно — мама в поезде сидела-сидела, да еще тут лежать вздумала! Нет, я так не могу! Я так к морю хочу, что на месте не могу сидеть. И хожу по комнате. Но вот и в комнате уже смотреть не на что: в шкаф я уже слазала, под стол — тоже. И лампу на столе включила и выключила. И в окошко поглядела. Чем бы еще заняться? Скучно...

И я в коридор иду. Коридор длинный-предлинный. Но тоже неинтересный. И я вниз спускаюсь и из гостиницы выхожу. Может, я и без мамы до моря, дойду? Нет, так нечестно — я к морю пойду, а мама не пойдет. Мы пойдет только вместе.

Ух, ты, какие цветы красивые! Никогда таких не видела! Нарву-ка букет и маме отнесу. Она проснется, а на столе — букет.

— Девочка! На клумбе нельзя цветы рвать! А ну, иди, иди сюда!

Это дядя в милицмейской фуражке. И он не шутит.

— Товарищи! Чей ребенок?

— Ты чья? — спрашивает он меня.

— Мамина.

— Где живешь?

— Здесь. — Я показываю на гостиницу.

— А ну — пошли. Где ваш номер?

— Какой номер?

— Дверь ваша где?

Ой! А я и не помню... Здесь же все двери одинаковые.

— Где? — хмурится дядя-милиционер. И шагает со мной по коридору гостиницы.

- Не знаю.
- Врешь.
- Я, правда, не знаю.
- Как зовут?
- Наташа Краюхина.

Он листает большущий журнал — там всех записывают, кто в гостинице живет, и находит наш номер. Но это уже и не нужно.

- Вы не видели тут девочку? Четыре года? Нет? А вы не видели?

Это мама моя бежит по коридору. Растрепанная и вся в слезах.

- Наташка! Господи! Слава Богу!
- Гражданочка, это ваша девочка? — Дядя милиционер совсем уже серьезный.
- Да. Моя. Это вы ее нашли?
- С вас штраф, мамочка. За цветы.
- За какие цветы?
- За эти.
- Наташка! Бессовестная!

И мама платит штраф.

- Мама, а к морю когда пойдём?
- Никогда! Тебя не к морю — тебя выпороть нужно, как Сидорову козу.
- А я не знала...
- Теперь знать будешь. Ладно уж, пошли.

... Чтобы до моря дойти, надо не одну улицу прошагать. И только потом море видно. Внизу. К морю еще спуститься надо. И мы уже спускаться хотели по ступеням, и тут я павлина увидела! Настоящего! А раньше я их только на картинке видела.

Но только я подойти к нему хотела, как он хвост свой сложил, как веер, и от меня побежал. А хвост, как шлейф королевский, за ним тянется.

- Наташа! Куда?

А я за павлином бегу — мне же его погладить надо. Я — за павлином, а мама — за мной. И, наконец-то, я поймала его за хвост.

— Ай-ай-ай! Нельзя! — говорит мне дяденька в белом фартуке. — Павлины у нас — для красоты. Если их всякий хватать будет, то что же останется? И так уже, посмотри — все хвосты обломаны.

И, правда, здесь, в парке, не один этот павлин — их тут много. И у всех хвосты растрепаны.

Зато лебеди в пруду нас не испугались. Сами подплыли, как только нас увидели.

- Покормите их, — говорит какая-то тетенька.
- А можно?

И мы с мамой целую буханку для лебедей купили.

Они прямо из рук крошки берут. И не боятся.

— Как хорошо! — мама наконец-то повеселела. И села на качели. А качелей таких я тоже раньше не видела — это целые лавочки со спинками. Они на цепях подвешены. Хочешь, просто сиди, хочешь — качайся. Да еще и козырек над головой, чтобы дождик не мочил, и солнышко не пекло. Мама раскидывает руки в стороны и сладко на лавочке-качели потягивается, будто только проснулась:

- А-а-х! Блаженство! всю жизнь мечтала в Сочи побывать.

Вот бы мама всегда такая довольная была...Но у меня не получается — я ее все время чем-нибудь сержу.

А что, если ей фейерверк из цветов устроить? Вот нарву цветов, над маминой головой вверх подкину, и всю ее цветами осыплю.

Ой, а цветы-то рвать нельзя. А может, это у гостиницы только нельзя, а тут можно? Здесь ведь везде цветы — одни в траве прячутся, другие сверху, с деревьев, свешиваются. И на кустах цветов столько, что листьев не видно. Уж если цветов тут так много, то их наверняка не жалко.

Я обрываю цветочные головки и в подол складываю. Надо побольше набрать, чтобы красивый фейерверк получился.

— Чей ребенок? — дяденька в белом фартуке, словно прямо из-под земли вырастает. И за руку меня держит. Мама вздрагивает и вскакивает со скамейки. Дяденька в белом фартуке хмурится и подводит меня к ней:

— За детьми следить надо, а то весь парк оборвут.

— Извините...

— Извините! — передразнивает дядя. — Не извините, а штраф платите.

И мама еще раз платит штраф.

— Мама! А к морю...

— К морю?! — мама поворачивается ко мне. — К морю?! Вот тебе вместо моря! Вот тебе! Вот тебе! — мамина ладошка ласковая в шлепалку превратилась. И больно меня шлепает. И мама уводит меня из парка с павлинами и лебедями.

КАК МОРЕ ЧУТЬ МЕНЯ НЕ ПРОГЛОТИЛО

Хорошо, что я не насовсем наказана, а только на день. К морю мы все-таки пришли. Вот оно — шумит, шевелится, и будто светится снизу зеленым светом. Начинается море отсюда, где песок, где люди загорают, а где кончается — даже не видно, сколько ни гляди вдаль. Солнце в море отражается, будто много-много солнышков маленьких в зеленой воде подпрыгивают. Мне быстрее хочется море потрогать, но быстрее — никак. Здесь на пляже людей столько, что между ними еще пройти надо и никого не задеть.

И мы с мамой пробираемся по сыпучему теплему песочку, а вокруг лежат, сидят, играют, бегают. Но вот, наконец, и море. Я бегу к нему по мокрому песку по той кромке у воды, до которой докатываются волны. А море бежит навстречу мне. Вот мы и встретились!

Море до коленок мои ноги закрыло. А маме до коленок не достало — мамины коленки выше моих. И мы глубже в море заходим — до маминых коленок. А где маме до коленок, там мне почти до трусиков.

А тут на нас волна как накатит! Как чудище зеленое! Огромное, но такое красивое! И, ах! — проглатывает маму почти до пояса. А меня вверх подбрасывает. И тут же отбегает, откатывается. Разбивается сзади нас о берег в мелкие брызги, в шипучую пену. А за этой волной еще волна. И еще.

— Мам! А море притворяется, будто съест нас хочет?

— Оно и съедает. И не таких, как ты, съедает, а целые корабли. Если корабли в бурю плавают. Пойдем-ка на берег. В первый день много купаться нельзя — простудишься.

И мама из моря выходит. А я за мамой сначала пошла, а потом — опять в море. Мне так с ним играть понравилось!

— Наталья? Ты идешь?

— Иду.

Надо идти. А то мама заругает.

И вдруг навстречу мне — арбуз. Прямо по морю плывет, полосатый такой и большущий, как мяч надувной. А за арбузом дяденька бежит:

— Ой, держи, держи!

А арбуз от дяденьки — с одной волны на другую, с одной на другую! Значит, не только Колобки убегают. И арбузы тоже. А дяденька не раздетый, как на пляже положено, а одетый и обутый, как на улице.

Ему сначала раздеться надо, чтоб арбуз в море ловить. И он уже раздеваться начал. Но ведь пока он раздевается, арбуз уже во-о-н куда уплывет. Я лучше сама ему арбуз поймаю.

И я за арбузом по морю погналась. И догнала!

Арбуз-то я догнала, а дно потеряла. Хочу дно ногами достать и не могу — не достаю до дна!

Рядом тети и дяди большие купаются, мяч друг другу кидают, смеются. Им тут подмышку. А мне тогда покуда? Ой, да я же совсем под воду ухожу! А им так весело... Они близко совсем и так в воде плещутся, что от них волны ходят. Они даже не видят, что со мной — страшное.

А мама уже далеко отсюда, только спина ее видна.

— Мама! — хочу я крикнуть ей.

И не могу — только я рот открываю, как туда вода льется. А вода в море не такая, как из-под крана. Морская вода горько-соленая. Ее не проглотишь.

Ой, волна катит! Красивая... Зеленая... Но она меня сейчас проглотит. Мама же говорила, что море даже корабли большие проглотить может. А меня-то уж — запросто.

Как близко мамина спина... И как далеко... Если бы по пляжу, тогда бы я до нее добежала, и даже устать бы не успела. А тут — как? Как? Хоть бы она обернулась! Хоть бы обернулась!

И мама обернулась.

— Наташа! Наташа! Ты где?

— Здесь! — хочу я ей крикнуть. Но она уже сама меня увидела. Уже идет ко мне.

А тут волна обрушивается на мою голову. Вот море меня и проглотило. Я под водой.

Нет! Нет! Не хочу! Я к маме хочу!

Сильные руки — самые лучшие руки на свете — поднимают меня из воды.

— Наташа!

По голосу понятно — мама еще больше меня забоялась.

— Наташа!

А я воду из носа сморкаю. Нахлебалась. Мама выносит меня на берег...

— Будешь еще убежать? Будешь? Будешь!

Мама шлепает меня без всякой жалости. А я вою, как машина «скорой помощи». Больно же, когда шлепают.

— Да хватит вам, мамочка!

— Живого места не оставите на ребенке!

— Маленькая еще. Смотрела бы лучше за ребенком, чем лупить...

Люди подходят и заступаются за меня.

— Я-то думала — она за мной бежит — рассказывает мама людям, — а она и не думает. А тут еще тоже девочка беленькая, в аккурат моя Наташка. И в таких же трусиках. Не сразу и поняла, что не моя. Оборачиваюсь — а моя-то и не тут, а вон где!

— Вот тебе! — грозит мне мама кулаком. — Только убеги еще! А сама плачет. Ну и пусть она мне кулак показывает. Зато теперь я навсегда знаю, что она — моя настоящая мама. Я ее даже позвать не смогла, а она обернулась. Все равно меня услышала! А другие взрослые даже не поняли, что меня спасать надо, хоть и рядом играли. Потому что чужие.

КАК МЕНЯ КУПИТЬ ХОТЕЛИ

Вечером мы с мамой гуляем возле гостиницы. У той самой клумбы, за которую мама штраф платила.

— Ну и разорительница ты, Наташка! Ну и злыдень!

— Почему злыдень?

— Потому что все назло. Не успели приехать, как я дважды за тебя штраф заплатила. Это раз. Сегодня ты чуть не утонула — это два. А завтра — что? Что ты мне еще преподнесешь? Что? — Повторяет мама.

И глазами опять будто в меня выстреливает. Сердится. Когда она на меня так смотрит, мне всегда спрятаться хочется.

— Мамочка, ну прости. Я больше...

— Да будешь, будешь. Ох, и издевательница ты! Убить тебя мало!

... Ну вот... Я только сегодня поверила, что мама у меня настоящая, а она — «убить тебя мало»! Может, она все-таки не моя мама?

— Что ревешь-то? Стыдно стало? Да? Стыдно?

А я молчу. А, может, мама так сказала просто потому, что сердится? И лучше уж забыть, не вспоминать... И она чтобы забыла. Надо ей о чем-то другом сказать. побыстрее.

— Мам! Смотри — книжка.

Я поднимаю с лавочки маленькую книжку.

— Такая же, как у нас в садике.

— Угу. Потерял кто-то.

— А я стихи знаю из этой книжки. Мы их с Леной Бертус учили. Мам, слушай:

*Купите лук, зеленый лук,
Петрушку и морковку.
Купите нашу девочку,
Шалунью и плутовку.
— Не нужен лук, зеленый лук,
Петрушка и морковка.
Нужна нам только девочка,
Шалунья и плутовка.*

Я-то думала, мама меня похвалит за то, что я стихи помню. А мама сидит на скамейке и вздыхает:

— Да-да... Вот уж не знаю, кому шалунья и плутовка нужна. Особенно такая, как ты! Я бы такую не то, что не купила, — даром бы не взяла неслуха такого!

Нет, как ни старайся, а сердиться мама еще не перестала. Лучше уж помолчать. И я молчу. А, может, она меня не любит?...Она сказала, что даром бы меня не взяла...

Если бы этот вечер не был таким красивым, я бы, наверное, еще раз заплакала. Уже темнеет. Когда у нас в ...нске темнеет, мама на меня кофту надевает. А здесь, в Сочи, вечером еще лучше, чем днем. Вечером не жарко и не холодно. А цветы какими душистыми стали! Когда жара, они совсем не так пахнут. Может, устают от жары? А сейчас все, на чем цветы расцвели: травка маленькая, кустики — все по-своему пахнет. Будто цветы друг перед другом хвастаются — кто кого переароматит. И до чего хорошо от этого! Просто не надыхаться! Это так на Королевство Радости похоже!

Вот уже и звездочки в небе зажглись. Одна. Другая. Еще три. Ой! А в траве что? Тоже звездочки? А тогда почему они бегают?

— Мама! Это что?

— Светлячки.

— Они волшебные?

— Нет. Просто жучки такие.

— Светятся! А их трогать можно?

— ... Ох... Ну, можно, можно.

— А себе взять можно?

— Да, бери, бери.

— Ура-а-а!

И я в траве ползаю. Мне же надо жучков-светлячков насобирать. Я их домой отвезу, в ...нск. Пусть они у нас дома светятся.

А мама на лавочке сидит, на меня смотрит.

И тут к маме три дяденьки подошли. О чем-то с мамой говорят. Почему это мама так испугалась? Может, они маму ругают? Из-за меня. Опять, что ли, ей штраф за меня платить? Неужели светлячков тоже ловить нельзя?

— Наташа! Быстро ко мне!

... Ну вот... Так и есть — опять штраф. Но мы же не знали. Мама подбегает ко мне. Отшлепает? Нет. Она берет меня на руки и уходит от дяденек. Они обгоняют нас и загораживают маме дорогу:

— Все равно ведь одна растишь, — говорит один.

А мама меня к себе прижимает.

— Тебе столько за нее хватит? — другой дяденька маме деньги хочет дать. Он их в руке держит, как веер, много-много денег.

— А сколько? — Он достает еще такой же веер.

— Молодая же еще. Другую родишь, — говорит третий дяденька.

А мама молчит. А я слышу, как у нее сердце колотится — будто она бежала только что. Мама боится. Но чего? Чем они ее напугали? А мама бежит от них со мной на руках. Я и не знала, что мама так быстро бегать умеет. Сердце мамино стучит, и каблочки стучат так же испуганно:

— Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!

От клумбы до гостиницы:

— Тук-тук-тук!

От первого этажа до нашего:

— Тук-тук-тук!

Даже без лифта — прямо так, по лестнице. И со мной на руках! И от лестницы по коридору:

— Тук-тук-тук!

До самой нашей двери.

— Ух!

Мама отпускает меня на пол, закрывает дверь на ключ, и валится без сил на кровать.

— Мама? А ты почему от дяденек убежала?

Мама молчит.

— Ой, мама, а я там светлячков забыла!

Я хочу дверь открыть, а мама не дает. Она так меня за руку схватила, что мне больно стало.

— Щас таких светлячков тебе дам! Чтобы от меня — ни на шаг!

И пальцем грозит. А лицо у нее такое, что и в самом деле шага от нее не сделать — тогда точно отшлепает. Но почему? За что она на меня сердится?

— И ни к кому не подходи! Ясно? Ни к тетям, ни к дядям. Даже если конфеткой угостят, или куклу пообещают. Ясно?

— Ясно. А почему?

— Дура ты! Тебя купить хотели.

— А так бывает?

— Значит, бывает.

... Ну вот... А я-то думала, что это только в сказках Баба-Яга детей ворует.

— Мама...

— Да?

— А ты меня не продашь?

— Совсем ты, что ли, дура?

— А почему говорила, что я тебе даром не нужна?

— Ой, Наташка! Надоеда ты! «Почему да почему»...

Мама берет меня на руки и выходит в коридор.

— Тук-тук-тук.

На каблучках до телефона.

— Алло? Девушка, подскажите, пожалуйста, когда первый автобус? А? Во сколько?

Угу... Угу... Спасибо.

Как мама по телефону говорит вежливо... Совсем не как со мной только что. А сама меня прижала к себе и оглядывается. Будто те трое сейчас прибегут и меня у нее отнимут. Бойтся.

... За автобусным окошком мелькают то горы, то море. А еще деревья высоченные. У них все ветки к стволу прижаты, и потому они на большие свечки похожи. Они кипарисами называются.

Это самый ранний автобус. Мы уезжаем «от греха подальше» — так мама сказала. Наконец-то она бояться перестала. Даже глаза в автобусе закрыла. Спать потому что хочет. Вот она у меня какая непонятная — обзывается и злыднем, и издевателем, и дурой. Да еще говорит, что я ей даром не нужна. А сама продавать меня не захотела. А я-то думала — она меня не любит. Пусть теперь что хочет говорит и как хочет обзывается — все равно я ей не поверю. Все равно в Королевство Радости с собой возьму!

... И почему мне так радостно стало, будто меня хвалит кто-то? Никто ведь со мной не говорит. И народу-то в автобусе мало. И те, кто едут, совсем на нас с мамой не смотрят. И ничего они про нас не знают...

... А вот и нет! Есть в этом автобусе Кое-кто — и Он знает про меня всё, и Он сейчас на меня смотрит.

Я ещё не обернулась, а уже знаю — это Дяденька мой Светлый. Потому что когда Он рядом, всегда так волшебно, будто... будто с утра проснёшься и вспомнишь, что сегодня — выходной и в садик не нужно.

Да, так и есть — Он сзади нас сидит. И весь-весь светится. Ну какой же Он сейчас красивый!

— Мам! — Я трясу маму за плечо, чтобы она проснулась.

— Что? — Мама открывает глаза и тут же их закрывает. Спать хочет.

— Мам! — Шепчу я ей, — смотри! Дяденька мой красивый!

— А! — Мама тут же раскрывает глаза. Как она испугалась!

Вскочила и тут же назад повернулась, куда я ей показала.

— Где? Какой ещё дяденька? Наташка, что ты меня пугаешь, дурочка? Где ты там дяденьку увидела?

... Странно... Почему я Его вижу — моего Дяденьку Светлого, а мама — не видит? И тётя старая, которая совсем рядом со Светлым Дяденькой сидит, тоже Его не видит — достала кошелёк и копейки свои считает...

БОРОДАТЫЙ ДОМ БОРОДАТОГО ХОЗЯИНА

— Мама, а куда мы приехали?

— Это называется Адлер. А теперь пойдем искать, где мы жить будем.

И мы с мамой искать пошли. А пошли мы не по тем улицам, где дома многоэтажные. Мама сказала, что там, в таких домах, места мало, и нас в них не поселят.

Мы с мамой пошли по тем улицам, где дома маленькие — всего в один этаж. А улицы эти прямо не идут. Они вверх-вниз бегут, влево-вправо. И дома тут друг на друга не похожи, такие все разные: деревянные, кирпичные, с балкончиками, с крылечками, с верандами. С большими крышами — будто еще один этаж, и с маленькими.

В одном доме нам сказали, что у них уже мест нет — столько много отдыхающих поселилось. В другом доме маме не понравилось. В третьем — дорого. А вот еще дом — за каменной оградой. Эта ограда из камней выложена. Нет, не из кирпича, а из камней неровных. А по ограде вьюн вьется. И так он разросся — словно борода зеленая. А за оградой — дом. Из таких же неровных камней, как и ограда. И такой же бородастый вьюн по крыше вьется и с крыльца свисает.

А из бородастого дома к нам бородастый дядя вышел. Только борода у него не зеленая, а самая-самая человечья. Карабасо-Барабасовская борода — черная, страшная. Нос большущий. И брови черные над черными глазами. Настоящий Карабас-Барабас.

— Вы тут хозяин? — спрашивает мама.

— Да, я — хазаин. Прахадьте.

И мы с мамой проходим.

Как много тут деревьев растет и кустов! И тень по всему двору такая, что не жарко. Бородастый дядя ведет нас в маленькую комнатку в деревянной пристройке.

— Здесь жить будете.

— А цена? — спрашивает мама.

— Вай, дарагая! — улыбается бородатый и руками разводит. — Цена как цена.

И он говорит цену. Цена маме не нравится. Но в других домах еще дороже. И мы остаемся.

— Мам! А почему он говорит неправильно?

— Нерусский потому что. Другой национальности. Только ты его об этом не спрашивай.

— А почему?

— А вдруг рассердится?

Кроме нас с мамой здесь еще восемь квартирантов живут. И все бородатого Хозяином называют. Значит, его зовут так — Хозяин. Странное имя. Но ведь у всех нерусских имена странные.

С утра Хозяин по двору ходит — виноградник из резинового шланга поливает. Потом кепку с себя снял, чтобы пот со лба утереть. А лоб у него на полголовы! Потому что волосы на голове у Хозяина только сзади растут, а спереди — лысина.

А солнышко все припекает и припекает. Хозяину все жарче и жарче. Он и рубашку с себя снял. А грудь и спина у него тоже — бородатые. И даже на пальцах черные волоски торчат. Ну и медведь!

— Что смотришь? — говорит Хозяин. — Памагай давай.

И шланг мне подает. И, пока я шланг держу, он полные пригоршни воды набирает и — плюх себе в лицо. Плюх — на шею. И фыркает. Но, видно, ему от умывания не легче. Он берет шланг у меня из рук и прямо из шланга себя поливает.

— Хозяин, а вода-то — холодная. Не страшно тебе такой холодной поливаться?

А Хозяин улыбается во весь рот, и в глазах его смешинки прыгают. Нет, злые Карабасы так не улыбаются.

— А тебе страшно? — спрашивает он.

Зря я его боялась. Но его, наверное, все боятся. А ему, конечно, как и мне, хочется, чтобы его все любили. Вот если бы он свою страшную бороду обрезал, тогда бы его никто больше не боялся. Но как сказать ему об этом? Мама меня учит, что нельзя взрослым говорить, что они некрасивые. Даже если они очень некрасивые.

— Хозяин, а ты подстриги бороду, и тебе жарко не будет. Мы, когда сюда приехали, так мама сразу меня подстригла. Чтобы мне жарко не было. Хочешь, я попрошу — она и тебя подстрижет? Ну, хотя бы на спине?

Хозяин так на меня смотрит, будто не понял, о чем это я. И вдруг — смеется. А смех у него, как гром:

— А-ахх-хах-ха! А-ахх-хах-ха!

И когда он смеется, у него из бороды зубы видны. Крупные, белые, как кусочки сахара. И один, спереди, — золотой.

Отсмеявшись, Хозяин приседает возле меня на корточки и расспрашивает. Все ему знать надо — как меня зовут, как зовут мою маму, и откуда мы приехали.

КАК МОЯ МАМА У ХОЗЯИНА ПОВАРОМ СТАЛА

Мне очень есть хочется, а мама ушла по базару ходить. И что-то ее долго нет. А Хозяин обедать сел прямо у себя во дворе, под навесом. У него на большой тарелке макароны с тертым сыром. И еще помидоры, и еще что-то такое, что я никогда не видела — зеленое что-то, сочное.

Макароны быстро исчезают в зарослях его бороды. Хозяин поворачивает ко мне голову:

— Что стоишь? Садись — вместе пакушаем.

И дает мне вторую вилку. Я улетаю макароны быстрее, чем он сам. Вместе с помидорами и с тем, зеленым. А оно — это зеленое, называется перцем. Только оно не горькое. Перец этот не такой, как мама в суп кладет. Это сладкий перец.

— Наташа?

Это мама вернулась. Стоит и глазами моргает.

— Наташа, как тебе не стыдно? Подождать не могла!

А почему стыдно? — думаю я. — Я ведь не просила есть. Я и сама знаю, что некрасиво попрошайничать. Я просто стояла. Хозяин сам меня с собой кушать усадил.

— Что, мать? Нэ накормила рэбенка вовремя? Пришлось Хазаину кормить.

Мама краснеет. Она так сейчас стесняется, что не на маму, а на девочку похожа. А Хозяин вроде и ругает маму, но я-то вижу, что он не сердится. А Хозяин руками разводит:

— Что дэлать будишь? Дочку твою я кормил. А ты давай меня корми. Что стоишь? Я есть хочу, а ты стоишь.

Мама соглашается — если я чужую еду съела, то она ему стготовит. И, пока мама варит кашу, я сижу на коленях у Хозяина. Я же его не боюсь теперь. Значит, ему все о себе рассказать должна. Про то, что мы с мамой одни живем и больше у нас никого нет — ни папы, ни братика, ни сестрички, ни бабушки с дедушкой. И про то, что телевизора у нас еще тоже нет, а у наших соседей давным-давно есть.

А сосед Мишка вредный и даже мультики меня не зовет посмотреть. А в садике была у меня Лена Бертус, но ее в школу забрали. И теперь у меня одна только мама осталась.

И тут мама Хозяину кашу принесла. Полную тарелку. Хозяин поел немного, да вдруг как рявкнет:

— М-м-м! Мать! Ты что такое наготовила?

А мама так испугалась, что на месте замерла. И я тоже испугалась.

— Нэт, мать, так вкусно готовить нэльзя! Я же от такой еды язык могу праглатывать! А чем же тагда гаварыть буду?

... Ну вот... Мы испугались, а у Хозяина просто шутки такие. Хозяин все съел и говорит:

— Слюшай, дарагая, гатовишь ты так, как люччий повар. Хочишь, платить тебе за квартиру нэ нада. Совсэм нэ нада. Будишь абэды гатовить. На всех. На меня и на всэх жильцов. Завтрак, ужин пусть сами как хотят. А абэд ты гатовь. Да? Согласна? Мама согласна.

Нам с мамой наконец-то не надо никуда убегать. И бояться не надо. Мы отдыхаем так, как маме всю зиму хотелось: рано утром идем на пляж, к морю. Если утром не поторопишься, на пляже уже слишком тесно от людей будет. И долго на пляже не поваляешься — к середине дня там уже жарко от солнышка, как на сковородке. Уйти нужно до жары.

После пляжа мама готовит обед на всех восьмерых квартирантов вместе с нами и с Хозяином. Хозяин сам ей дает, из чего готовить. И потом мы все дружно обедаем под навесом. Мамина еда всем нравится. А больше всего — Хозяину. А мама заметила, что я его Хозяином зову, и говорит:

— У хозяина имя-отчество есть.

— Нэт отчества — говорит Хозяин. — Это у русских — отчество. Пусть рэбенок как нравыца завет.

Я и зову его как мне нравится.

ПОЧЕМУ ПОЛЗУНЧИКОВ НЕЛЬЗЯ В РУКИ БРАТЬ

Наверное, я тоже Хозяину понравилась. Потому что он разрешил рвать у него в саду все, что мне хочется. Ягоды, груши, абрикосы, яблоки — все, что раньше мне мама только в магазине покупала и на рынке — все у Хозяина прямо во дворе растет, поспевают и на землю падает, когда переспеет. А переспелое, с земли, еще вкуснее, чем то, что еще на дереве висит.

А у самого забора растет дерево, на котором можно гусениц вырастить специальных, которые шелк делают. Так мне Хозяин сказал. Это дерево так и называется — шелковица. А ягоды на шелковице на малину похожи. И сладкие-пресладкие. Даже пальцы от них слипаются. И потому я эту шелковицу всю-всю общипала. Где достать смогла. А мне еще шелковицы хочется. А другое такое же дерево возле дома напротив растет. То есть там не дом, а развалины. Когда-то там жили, а теперь никто не живет. Потому и шелковица в том дворе никому не нужна. И ветки у нее так низко, что я сама могу дотянуться и не просить никого. И никто меня за ягоды не заругает — сад-то ничей. Там даже забора нет. То есть раньше-то была ограда из камней, как у Хозяина. А теперь камни развалились, и ограда как рваная — в одном месте высоко, в другом — так низко, что перешагнуть можно. Я так и делаю — перешагиваю.

Вот она — шелковица. Вкуснотища-то какая!

А рядом, в камнях, какие-то ползунчики шевелятся. Я таких никогда еще не видела. Они на червяков похожи, которые на асфальт после дождя выползают. Только эти длиннее. Лапок у них тоже нет — только туловище.

А красивые-то какие! Все в узорах! Интересно, их можно руками трогать? Или не надо? Вдруг они от этого умрут? Рыбка-то из аквариума умерла, когда я ее в руках подержала...

А я проверю. Если я руки к ним протяну, и они не испугаются, значит, можно их трогать.

Нет, ползунчики не боятся. Я их пальцами трогаю, а они меня трогают вилочками. Они из головы вилочки такие высовывают и тут же убирают. Улитки так же рожки высовывают и убирают, когда знакомятся.

Вот как интересно! Когда собаки со мной знакомятся, они меня нюхают. Когда улитки знакомятся, они меня рожками трогают. А ползунчики трогают вилочками. Ой, ну и ну! Они совсем расхрабрились — прямо на руки ко мне заползли! Теперь мне осторожно надо — бабочки ведь тоже иногда на меня садятся. Они думают, что цветы у меня на платье настоящие. Но даже если бабочка сама на меня села, я ее хватать руками не должна. А то крылышко ей поврежу, и она умрет. Так мама говорила. А вдруг эти красивые ползунчики тоже как бабочки — нежные?

Я даже погладить их боюсь — вдруг умрут? Только руки поворачиваю, чтобы им было ползать удобнее. Как они между пальцев скользят легко! Как ленточки атласные... И такие же прохладные, как атлас...

... Ой, почему это сзади меня светло стало? Кругом — тень от шелковицы, а сзади меня — что-то светится.

Ух ты! Да это же Он, мой Дяденька Светлый, сзади встал и мои руки своими руками тихо-тихо обнял. И тоже со мной ползунчиков разглядывает. Я даже и не заметила, когда он тут появился. Как будто и всегда тут был.

... Вроде на нас кто-то смотрит? Да, так бывает — глазами не видишь, а все равно знаешь, что кто-то смотрит.

Я оборачиваюсь — так и есть — мама совсем недалеко. Стоит и молчит. Рот открыла, а не говорит ничего. А лицо у нее такое, как в тот раз, когда меня у нее купить хотели. Дяденьки моего Светлого, что ли, она испугалась? Но ведь он же — не как те, он меня не обидит.

— Мама! Ты чего?

Мама молчит и руки ко мне тянет. Странно...

Надо к ней идти. Но сначала я ползунчиков на землю отпущу.

Я помню, как рыбка из аквариума на пол упала и умерла. Наверно, потому что ударилась. А ползунчиков осторожно надо на землю опустить, чтобы им больно не сделать.

Вот так, потихонечку, как мой Дяденька Светлый их опускает.

А теперь — к маме.

А рядом с мамой уже Хозяин стоит и все его квартиранты. А мама почему-то упала и лежит. И молчит. Будто умерла.

— Мама! Мамочка!

— Обморок — говорит один квартирант.

Ой, что это они делают?! Прямо по щекам маму бьют! Я только открыла рот, чтобы их отругать, как следует, а они с меня почему-то всю одежду стащили. Осматривают, ощупывают:

— Тебе не больно?

— Нет.

— Совсем нигде не больно?

— Не-а.

Странно... Почему это они думают, что мне больно? Вот маме моей больно — ее же по щекам били. А теперь еще зачем-то с ведрами прибежали. И на маму всю воду из ведер вылили.

И тогда мама глаза открыла. Встала и плачет почему-то:

— Наташка! У тебя ничего не болит?

И тоже, как они, меня осматривает. И все плачет.

... А когда взрослые успокоились, и мы все во двор к Хозяину вернулись, меня расспрашивать стали:

— Ты хоть знала, кого в руках держишь?

— А что? — говорю я.

— И как это они не укусили?

— А они кусаются?

— Так кусаются, что умереть можно.

- Особенно ребенку маленькому.
- Это ж тебе не червяки! Это — змеи.
- Ядовитые!
- И как ты только в руки-то их взяла?
- Неужели не страшно было?
- Зачем ты вообще туда пошла?

А мама все плачет:

— Нет, это не ребенок! Изверг это — вот кто! Смотрю — нет и нет нигде моей Наташки. Пошла искать. А как увидела — так и с места не могу сдвинуться. Как в землю вросла. А она мне: «Мама! Мама!» Издеватель...

- Мама, я больше не буду.
- Что «не буду»?
- ... А, правда — что я не буду? И сама не знаю.
- Чтобы без меня ни на шаг со двора! Понятно?
- Понятно...
- ... Теперь к Хозяину люди приходят на меня посмотреть.
- Где тут девочка, которую змеи не укусили?
- Так это она и есть?
- Что — вот так вот и брала их — голыми руками?
- Сам видел?
- Ну и ну!

И меня тоже спрашивают и спрашивают. Каждый придет, и каждому с самого начала расскажи. А про то, что со мной Дяденька мой Светлый был, никто не верит. Его почему-то только я видела, а они все — не видели. Ни мама, ни остальные. Почему так?

А Хозяин толстую книгу для меня принес. А в книге той на цветных картинках всякие-всякие змеи. И яйца змеиные тоже. Они, оказывается, яйца несут, как курицы. Только из яиц не цыплята, а змеята выходят. Мне Хозяин долго-долго книгу эту показывал, чтобы я всех змей запомнила и больше в руки их не брала.

ПОЧЕМУ ХОЗЯИН НЕ БУДЕТ МОИМ ПАПОЙ

Мы втроем под навесом во дворе сидим, мама картошку чистит, а Хозяин меня на ногах качает. Сначала на одной ноге, потом — на другой. А потом над собой поднял и вокруг навеса побежал:

- Это ты на самалоте лэтишь — говорит.

До чего у него руки сильные! Он и дом этот, где живет, сам построил. Каждый камень сам вверх поднимал.

- Как всэ. У нас всэ так, если ты мужчина — сам дом сэбе строить должен.

А мама стоит рядом, нас слушает и улыбается. Словно ей смешно, но она не хочет, чтобы все видели, как ей смешно.

— Всо у мэня есть, — говорит Хозяин. — Дом есть, виноградник, дэньги. Только хазайки нэт.

- Но ведь была же когда-то, — улыбается мама.
- Была. Тэперь отдельна живет. А я адын остался.

Хозяин вздыхает тяжело и на маму смотрит. Ну, что же мама — не знает, что ли, как его утешить?

Зато я знаю:

— Хозяин, а давай мы у тебя хозяйками будем?

— А, мама? Давай?

— Ай! — это мама ножом порезалась.

— Наташка! Ну, сколько раз говорить — когда я готовлю, под ногами не вертись!

Ну, наказание, а не ребенок!

Мама держит во рту раненый палец. А Хозяин к себе домой сходил и пластырь принес.

— Давай палец — заклею.

— Я сама.

Мама почему-то опять стесняется, как в тот раз, когда я у Хозяина макароны съела.

— Давай! — Хозяин так на маму посмотрел — будто приказал. И мама его послушалась.

Хозяин ей палец пластырем замотал и моток ножиком отрезал. А потом взял мамину руку в свою великанскую, волосатую. И палец замотанный маме поцеловал.

— Это чтоб быстрее заживала — говорит.

А мама почему-то испугалась. Стоит и не знает, что сказать.

— Баишься? Прасты меня.

Хозяин вздохнул и домой к себе ушел.

— Мам! А почему ты его боишься?

— Кого?

— Хозяина.

— Не боюсь я его. С чего ты взяла?

— А он тебя любит.

— Почему???

— А пальчик тебе поцеловал. Ты же тоже меня целуешь там, где я ушибусь. Потому что любишь.

— И что?

— Он тебя любит, а ты его боишься. А так нечестно.

— Много ты и понимаешь, что честно, а что — нечестно.

— А вот и понимаю!

— Ой, отстань, Наташка.

— Мам! А ты скажи Хозяину — пусть он у нас папой будет.

— Что-о?! Папой? Да он мне в папы годится!

— А вот и не тебе! Чур, он только моим папой будет!

... А вечером я Хозяина увидела и даже не узнала сначала — борода у него теперь не до самых глаз, как раньше. Теперь и щеки видны, и рот его с белыми зубами виден.

— Хозяин! Как у тебя лица теперь много! Ты такой красивый стал!

А под навесом, где мы все обедаем, дяди какие-то сидят незнакомые. Такие же волосатые, как Хозяин, с такими же глазами черными, с такими же носами большущими, как у него. И о чем-то все с Хозяином говорят по-своему. Не по-русски. Наверное, про нас с мамой говорят. Потому что все на маму смотрят. То на маму, то на меня. То опять друг с другом говорят, то спорят о чем-то, то головами кивают. А маме не понравилось, что они про нее говорят, и она меня в нашу комнату увела.

А потом к маме тетенька пришла из соседнего дома. Мама у нее молоко для меня покупает.

— Людмила! — шепчет тетенька, — что скажу-то тебе! Хозяин-то ваш свататься к тебе собрался.

— П-ф-ф! — Мама смеется в ладошку.

— Что смеешься-то? Думаешь, они как русские сватаются?

— А как тогда?

— Он же турок.

— Турок? А я думала — грузин.

— Турок он. А по их обычаям у них может и две жены быть, и три.

— Как — три? А законы-то советские?

— Так он с двумя может быть в разводе, а с последней в браке. Но ни одну не бросает. И каждой деньги дает. И немалые деньги.

— Ой!

— Да ты что, в первый раз такое слышишь? А когда женщина ему нравится — турку-то, так он ее и похитить может. По их обычаю...

... Я не знаю, что такое «турок». Наверное, обзывательство такое. И не понимаю, про что тетя рассказывает. А вдруг она врет все про Хозяина? Чтобы мама его еще больше боялась.

— И никакой он не турок! — говорю я тете — он хороший. И не ругай моего Хозяина.

— А ты помолчи, когда тебя не спрашивают — обрывает меня мама.

— Как же он меня похитит? — мама глядит на тетю из соседнего дома и губы кусает. Она всегда губы кусает, когда ей побыстрее придумать что-то надо.

— Похитит? Просто. Увезет в горы и будет там держать, пока по закону все не оформите.

— Ну и обычай... А если я не хочу?

— Если не хочешь, то уезжай быстрее. И так, чтобы он не знал.

ПОЧЕМУ Я БОЛЬШЕ НЕ АРТИСТКА

Мы с мамой уезжаем так, чтобы Хозяин не знал. Рано утром, пока все еще спят.

Мама разбудила меня и одела. А сама уже с чемоданами у двери возится — их же вытащить надо. Был бы Хозяин — он бы их легко вытащил. А маме тяжело. Мама дверь открыла и во двор меня вывела.

— Т-с-с! Тише! — шепчет.

А Хозяин, наверное, не обрадуется, когда узнает, что нас нет.

И вообще — хорошо ли так удирать от того, кто тебя любит?

— Наташа! Ку-у-да?!

Мама ловит меня за воротник тогда, когда я уже добежала через двор до его двери.

— Куда? Дура!

У мамы сейчас такие глаза, что лучше ее послушаться, А то точно отшлепает. И я молча иду за ней.

Хозяин догоняет нас уже у вокзала:

— Убигаишь? Злой ты женщина! Ты скажи, что я тебе плахова сдэлал? Чем обидэл?

Сейчас он и вправду на Карабаса-Барабаса похож — лицо совсем не его — не доброе. И ногами топает. Вот он каким бывает...

Я даже опять его бояться начала.

Он до самого поезда маму то остаться уговаривал, то чемодан наш грозился выкинуть, то рывкал что-то ругательское на своем языке.

А когда поезд пришел, он нам в вагон помог забраться. И чемоданы наши затащил. И ушел. И не оглянулся. И не сказал больше ничего.

А мне его жалко стало. А я-то раньше думала, что только маленьких обидеть легко. А таких больших и сильных, как Хозяин, никто обидеть не может.

— Мама!

— Ну...

Мама сидит в вагоне и все думает, думает. Целый день уже думает и молчит. И меня как будто не видит.

— Ма! Ма!

— Чего?

Мама словно просыпается.

— Мам! Зачем мы от Хозяина сбежали?

— Наташа, помолчи.

— Ну, почему?

— Наташа, пойдем за водой сходим.

— А ты скажи — почему?

Мама может и не объяснять — я сама знаю — почему. Я на лицо мамино смотрела, когда Хозяин ее остаться уговаривал. По лицу ее поняла — боится его мама. Я про другое ее спросить хочу — разве не обидно Хозяину, что его бояться?

— Наташа! За водой пойдем — повторяет мама.

И я иду за мамой до конца вагона. У титана с водой мама поворачивается ко мне. Ой! У нее лицо такое, что она меня, наверное, отшлепает.

— Наталья! Во-первых, здесь совсем чужие люди. А ты при всех... Ты не видела, как все на нас обернулись? Позорище ты мое!

— А что?

— Ты в следующий раз думай, что говоришь... «Зачем мы от хозяина сбежали»...

Можно подумать, что мы — рабы. И у нас — хозяин, а мы от него сбежали.

— А кто такие рабы?

— Ой! Ну, мы с тобой — собаки, что ли, что у нас хозяин есть? Собаки, да?

— Нет, не собаки.

— Вот и молчи лучше.

— Мама, нельзя тебе от Хозяина убежать!

— Да твоего ли ума это дело?

— Моего! Жениться надо было на Хозяине.

— Да пойми ты, дурочка — не наш он. Не нашей национальности.

— Ну и что?

— У нас свои обычаи, у турков — свои. Наплакалась бы я с твоим Хозяином. А теперь — все! Чтобы больше вопросов не было! Тем более при людях.

Мама меня не отшлепала. А почему-то все равно плакать хочется. Как будто меня наказали. Опять «национальность, обычаи».

Я! Ты! Он! Она!

*Вместе целая страна.
Вместе дружная семья,
В слове «мы» — сто тысяч «я».*

Опять София Ротару поет. К морю мы ехали — она эту песню пела. И обратно едем — все та же песня. Только мне теперь подпевать не хочется.

Разве мы дружная семья, если друг друга боимся, как мама Хозяина? Разве дружная, если друг другу не верим?

— Наташа! Ты что же платье-то рвешь?

А правда — зачем я его рву? Сама не знаю. Сидела-сидела и вдруг оборку обрывать начала. И платье-то это — мое любимое. Я в нем еще туда, в Сочи, ехала. И перед всем вагоном песни пела и стихи читала. За эту самую оборку держалась.

— О-о-о! Кого я вижу! Артистка!

Тетенька в полосатом платье шла-шла по коридору и вдруг в наше купе свернула. Да я же ее знаю! Мы вместе в Сочи на поезде ехали! И дядю этого с ней помню.

— Нет, ты глянь, глянь — толкает она его под руку. — И на юг вместе, и с юга — вместе.

И — ко мне:

— Ну, здравствуй, солнышко!

Она так мне улыбается, будто я и вправду — солнышко.

— Помнишь меня?

— Угу.

— Ты что-то невеселая. А, артистка?

— Я больше не артистка.

— А что же?

Трыньк! — это я оборку у платья оборвала. Совсем оборвала. Рвала-рвала и дорвала. А зачем? Мама ведь заругает...

— Не рви платьишко-то. Обидели тебя? Да? Обидели?

Полосатой тете так со мной поговорить хочется. Глаза у нее такие... Вот скажи я ей, что меня тот-то и тот-то обидел — и она его наказывать побежит. Точно знаю, что побежит. Со всех ног. Но кого тут наказывать? Не маму же...

КАК Я ВСЕ СОКРОВИЩА РАЗДАЛА

Из Адлера мы с мамой с двумя чемоданами уехали. Один большой — с одеждой, босоножками и кремом от солнца, а другой игрушечный, маленький — с камушками, морскими ракушками и стеклышками. Я сама все это на берегу моря собирала и в чемоданчик свой складывала. А когда в него уже не помещалось, тогда в мамин, большой складывать стала. А мама рассердилась:

— А ну тебя, Наташка, с твоими сокровищами! Не повезу я их домой.

— У-у-у!!!

— И не вой! Выкину, так и знай!

Но выкинула мама только из своего чемодана. А то, что в моем чемоданчике — оставила.

— Только сама свои сокровища потащишь.

— А сокровища — это что?

— Сокровища — это что-нибудь редкостное. То, что дорого стоит. Ради сокровищ люди за тридевять земель готовы ехать. Моря готовы переплыть.

— Значит, у меня — сокровища? Да? Мама! Ну, чего ты смеешься?

— Охо-хо... Да сокровища, сокровища.

Вот и привезли мы с мамой домой два чемодана — один простой, а другой с сокровищами. Я-то думала, что сама его дотащить смогу. Но у меня силы не хватило. Маме тащить пришлось.

Как только мы домой, в ...нск, приехали, так и отпуск у мамы закончился. И она меня в садик собирать стала.

— Мама, а можно, я сокровища в садик возьму?

— Ну вот! Тащили-тащили, а потом — в садик?

— Они ведь такого не видели!

— Раздашь, что ли, всем по камушку?

— Нет, не буду. Жалко.

— Не раздашь, так отнимут. Да дело твое — неси. Только не я понесу, а ты. В своих руках. Устала я всю дорогу с твоим чемоданом.

А сама все равно чемоданчик у меня из рук взяла и до самого садика несла.

Привела меня мама в группу, а группа наша уже не средней, а старшей называется. Потому что всем уже пять лет исполнилось. Называется-то наша группа по-новому, а все наши, какими были, такими и остались. Так же дерутся и так же обзываются.

А я уже не такая. Я новая приехала! Я же столько всего увидела! И обо всем рассказать надо. Нет, про Хозяина я рассказывать не буду — мама не велела. Зато про все остальное она мне рассказывать разрешила. Про то, какое море зеленое и красивое. И какое оно страшное, если зайдешь поглубже, а плавать не умеешь. А когда волна от берега убегает, то хочет все с собой утащить — все камушки и весь песок — все, до чего дотянется. Но только море убежит, как назад возвращается.

И я показываю, какая большая волна накатывает на берег — руки поднимаю и на цыпочки встаю. А потом волна опускается — и я опускаюсь, руки опускаю, потом голову, на коленки встаю и руки вперед протягиваю — это волна расплылась по берегу и камушки выкинула — старые и новые.

Я и камушки из чемоданчика достала. Одни, как черепахи — плоские, круглые и в пятнышках. Другие, как снежок, который из снега слепили и еще не бросили — беленькие, кругленькие и в блестках сверкающих. А еще у меня такие камушки есть, будто на них нитки намотали — по рыжему камушку белые нитки, по белому камушку — черные нитки.

А еще есть камушки гладкие-гладкие, плоские-плоские. И по ним будто деревья нарисованы.

И ракушки я из чемоданчика достала и разложила, чтобы все посмотрели. Ракушки совсем маленькие — с мой палец. И каждая на крошечную башенку похожа. Раньше в этих башенках морские улитки жили. А когда улитки умирают, их домики-башенки остаются. Я этих пустых домиков много насобирала.

А вот стеклышки. Когда в море разбитая бутылка попадает, то море осколки трет и крутит. И стеклышки так в волнах обкатываются, что совсем неострыми становятся. Как будто море старается, чтобы этими стеклышками никто не поранился — потому и закругляет их. Это как я петушка леденцового на палочке облизываю-обкатываю — и он тоже закругляется. А море так стекла облизывает. Много же морю потрудиться надо,

чтобы осколки гладенькими стали! И, когда они совсем загладятся, они на камушки драгоценные похожи, которые тети в серьгах и кольцах носят.

Когда я все рассказала и весь чемоданчик посмотреть дала, все в группе стали просить хоть что-нибудь из моих сокровищ. Я все и раздала. Сначала тем, с которыми дружу хоть немножко. А потом — всем остальным, чтобы никому было не обидно.

Один только Моська не просил ничего. Думал, раз он меня бьет, то я ему ничего и не дам. И, пока я все из чемоданчика раздавала, он один в углу сидел. И лицо у него было такое, будто его наказали.

И тогда я сама к нему подошла. И ракушку подарила с камушком. Потому что он один такой надутый остался, как островок сердитый в радостном море, когда всем вокруг уже весело.

А Моська заморгал-заморгал глазами и покраснел.

Это ему стыдно стало, что он меня бил, а я ему ракушки дарю. Но я же сама знаю, каково мне, когда меня стыдят.

И тогда я ему отдала самое свое лучшее сокровище — камушек с белыми и красными пятнышками. Он на яйцо похож. И у Моськи такое лицо стало... Красивое, умное лицо! А раньше я его красивым не видела. Потому что он мне ничего хорошего не делал. И я ему тоже. А сейчас он совсем другой. Значит, я тоже умею, как Лена Бертус, из Моськи Злов выгонять! А я и не знала...

И как же здорово стало у нас в группе! Как будто опять Новый год с подарками! Все такие красивые! Потому что когда человек радуется, тогда он и красивый! Даже светится весь, как Дяденька мой Светлый. Совсем как в Королевстве Радости...

А Маринка Ковалева мне вот что сказала:

— Дура ты, Наташка! Я бы никому ракушки раздавать не стала.

— Почему? Всем ведь хочется.

— Вот и пусть всем хочется. Пусть бы они за мной ходили и упрашивали. А я бы ходила — воображала. А ты — дура.

Странная она, эта Маринка. Как других — так сразу воображалой зовет. А самой повоображать ужас как хочется.

ПОЧЕМУ Я ЭЛЬКЕ В ЧАЙ ХОТЕЛА ПЛЮНУТЬ

Я-то радовалась! Я думала, наши насовсем останутся добрыми.

А всего-то неделя прошла, и они уже обо всем забыли. Даже мои камушки и ракушки им больше не нужны.

Вчера на прогулке Элька с Маринкой на одной ножке скакали и камушки дареные по асфальту пинали — кто быстрее до забора допинает. А когда допинали — ушли, а камушки оставили.

У Андрюшки Сидоренкова его камушек упал из кармашка. Андрюшка поднять его хотел. Оглянулся и передумал — не поднял. Я подняла и себе взяла.

А Моська нарочно свою ракушку ботинком раздавил, проверял — расколется или нет. Она не сразу раскололась. Только тогда, когда он по ней раза три каблуком притопнул.

А я чуть не заплакала.

А сегодня утром, когда мы из спальни выходили, я под одной кроватью, у двери, стеклышки увидела, которые море облизало. Я их подарила кому-то и забыла — кому. Теперь они ненужными стали и по полу валяются. Вместе с перьями от подушек и фантиками конфетными. А, может, их уронили и ищут? Нет, никто их не ищет. Ни после зарядки, ни после завтрака. Уже на прогулку надо, а их все равно никто не ищет.

Мы на прогулку идем, а нянечка тетя Зина — в спальню. С ведром и шваброй — пол мыть.

Ой, она же стеклышки мои сейчас выметет и выбросит! Она же не понимает, что это — сокровища.

И я потихоньку от Анны Николаевны с улицы в группу вернулась. А тетя Зина пол в спальне моет. И в том углу, где только что стеклышки мои были — пусто. Так и есть — она их уже вымела и в ведро с мусором высыпала.

— Тетя Зина!

— А? А ты почему не на прогулке?

— Тетя Зина, а можно я сокровища свои заберу?

— Какие еще сокровища? Ну, проходи, забирай. Обувь только сыми.

Она отвернулась и опять за свою швабру — шварк-шварк по полу. Под одну кровать, под другую.

А я все, что в ведре мусорном было, на пол высыпала. Так искать легче.

Вот они, мои стеклышки! Нет, не они. И это не они. Я даже на коленки встала, а все-таки их не вижу.

— Наташа!

Это тетя Зина обернулась.

— Ты что это мусор высыпала?

— А ты мне разрешила!

— Что это я разрешила? Что? Ты зачем озорешь? А ну иди отсюда!

— А я еще не нашла!

А тетя Зина меня за руку схватила и грозит:

— А вот кому-то я по попе веником!

А я вырвалась — и опять к мусору. Мне же найти надо!

— Наташа Краюхина!

Это Анна Николаевна с улицы пришла.

— Вот ты где! Эту Наташу только с собаками искать! Что ты тут делаешь?

— Озорует надо мной — вот что делает, — жалуется на меня тетя Зина. — Пришла и все ведро на пол выкидала.

И Анна Николаевна меня до самого обеда в угол поставила. Сказала — за озорство.

— Посмотри, на кого ты похожа, Наташа! Посмотри, посмотри на свои колготки.

Я и так вижу — мама мне в садик совсем новенькие колготки дала, еще с бирочкой магазинной. А у тети Зины в ведре какие-то ягоды были черные. А когда я мусор высыпала и на коленках по мусору поползала, я эти ягоды черные раздавила. И теперь у меня все коленки в пятнах.

— Теперь это ничем не отстираешь — говорит Анна Николаевна. — Поросенок ты, а не девочка. Попадет тебе от мамы!

А Элька Зайцева за Анной Николаевной повторяет:

— Попадет тебе от мамы.

А все наши смеются. Потому что Элька совсем как Анна Николаевна сказала. И даже головой так же покачала. А Элька еще старается:

— Поросенок ты, а не девочка.

И опять всем смешно:

— Поросенок, поросенок, попадет тебе от мамы!

А чего это они обзываются? И почему так рады, что мне попадет?

Я из-за этого до самого тихого часа проплакала.

— Наташа! — говорит Анна Николаевна. — Хватит плакать. А то без глаз останешься — все выплачешь.

— У-у-у! — вою я.

— А кто виноват-то? Кто с прогулки убежал? Ты?

— Я.

— А мусор из ведра кто высыпал? Ты?

— Я.

— И еще скажи, что нечаянно. Ведь нарочно же? Нарочно!

— А потому что...

Но я не сказала, почему. Взрослым же не объяснишь...

— А колготки кто испачкал? Вот и подумай над своим поведением.

Я и думаю. Только совсем не так, как Анна Николаевна.

Мы уже в кровати легли. Тихий час. Кто еще не спит, тот притворяется, что спит. Потому что Анна Николаевна между кроватями ходит. А я к стене отвернулась — будто тоже сплю, а на самом деле меня слезы жгут.

Дураки они все. Даже не дураки, а еще хуже. А я-то им все свои сокровища раздарила... Дура я! Правильно Маринка и сказала — дура. Никому больше ничего не подарю. Никогда. И дружить ни с кем не стану. Сегодня же Моськину машинку раздавлю. Как он ракушку раздавил. А Эльке... Эльке в чай плюну, когда полдник нам дадут. Вот Моська как-то раз взял и плюнул в мой чай. И мне так обидно было! А я тоже Эльке возьму да и плюну. Пусть и ей обидно будет.

— Не стыдно тебе? — будто спрашивает меня какой-то голос.

И голос этот я не ушами слышу. Сама не знаю, как я слышу его.

— А вот и не стыдно! Не стыдно! А пусть эта Элька-дурелька не дразнится! — отвечаю я кому-то.

Нет, не говорю это, а думаю. Но Он, тот, кто со мной говорит, меня, конечно, слышит.

И горячие слезы катятся у меня из глаз и из носа. И прямо в подушку. А пусть и они так же поплачут! Всем-всем в чай плюну!

— Наташа!

Анна Николаевна ко мне подходит.

— Хватит плакать! Спать пора.

Анна Николаевна гладит меня по голове. Я отодвигаюсь от нее подальше. Пусть не лезет ко мне со своим утешением! Сначала в угол ни за что поставила, а потом...

Анна Николаевна вздыхает и поправляет на мне одеяло.

— Не холодно тебе?

Ага! Знает, что виновата! И тогда я одеяло совсем скидываю. Пусть ей еще стыднее будет!

А она еще раз меня укутала. А я опять одеяло скинула.

— Ах, ты так?! Ну-ну... Больше не подойду. Вот ты оказывается, какая вредная и упрямая.

Анна Николаевна от меня и отошла. А ведь ей жалко меня стало....

И совсем без одеяла все-таки холодно. Я закутываюсь. Все равно холодно. Даже зубы друг о дружку стучат. Так всегда бывает, когда долго плачешь.

ПОЧЕМУ ОБЛАКУ ВЕРИТЬ НАДО

Опять меня укутывают. Наверное, это Анна Николаевна второе одеяло на меня положила. Скинуть его, или нет?

Не могу я его скинуть. Потому что это не одеяло. Даже не знаю, что это такое. Как облако белое. Легонькое, теплое.

Это оно меня собою обняло. Оно любит меня, это облако. Даже больше, чем мама. Оно всегда меня любило.

— А я тебя узнала — говорю я облаку. Ты — Дяденька мой Светлый. А раньше ты другим был.

— И ты тоже другой была — грустно говорит облако. — Разве ты хотела кому-то в чай плюнуть?

— Это у них я научилась. А чего они такие...

— Они не помнят, какими были у нас, в Королевстве.

— А вот и помнят, помнят! Когда я им сокровища из чемоданчика раздала, они совсем такими же были. Совсем как в Королевстве. А потом...

— Не плачь о том, что потом.

— А почему это кончилось?

— Здесь все кончается.

— А я насовсем хочу.

— Насовсем — только у нас. А здесь — даже один день как у нас — это много. И один этот день им подарила ты.

— Я?

— Ты, Наташа.

И хорошо, что облако мне так сказала — обида моя тут же и растаяла, как кусочек сахара в чае.

А еще в моей руке камушки появились.

Только что не было. А теперь есть: беленькое с блестками, как снежный комочек. Круглое, в крапинку — как яйцо. Красненькое в полосочку, будто на него нитки намотаны. И плоское, с рисунками непонятными. Я эти камушки раздала, а облако мне вернуло.

— Спасибо! — говорю я облаку.

Но как мало сказать одним «спасибо»! А какими словами сказать, я не знаю.

— Я тоже тебя люблю — говорю я ему

Так хорошо сейчас! А я не знаю, как сказать то, что нужно.

— Я как ты буду — вот что нужно было сказать!

А оно уже прощается со мной, уплывает вверх, под потолок.

— Вставай! — говорит оно мне. — Вставай! Мама за тобой пришла.

... Я открываю глаза. Нет никакого облака. И камушков в руке тоже нет. Это мне сон такой снился. Жаль, что только сон...

Но странно как... Никакого облака я не вижу, а знаю, что оно здесь. Почему я так знаю? Но бывает же, когда в прятки играешь — придешь искать в одной комнате — не видно никого, и в другой — тоже. И все равно угадаешь, в какой на самом деле никого нет, а в какой кто-то спрятался.

И сейчас тоже — в спальне все спят (не притворяются, а взаправду спят), только я не сплю и еще Он — Дяденька мой Светлый. Только он почему-то не хочет, чтобы я его увидела. И прячется.

Я тихо-тихо, на цыпочках, выхожу из спальни.

Мне в туалет надо. И слышу — тетя Зина кому-то про меня рассказывает:

— Пришла и говорит: «Можно я свои сокровища заберу?» Ну, я думала — за игрушкой какой-нибудь пришла. Проходи, говорю.

— П-ф-ф!!! — смеется кто-то в ответ тете Зине.

Это мама так смеется! Это с мамой тетя Зина разговаривает.

— Так и сказала — «сокровища»?

— Так и сказала. Я и моргнуть не успела, а она — шась к ведру! И все на пол вывалила! И — бух! — в мусор коленками. Видите, что с колготками сделала? Какие еще у нее сокровища в мусоре?

— Ой, умора! — смеется мама. — Это камушки у нее — сокровища. Которые мы с юга привезли.

— А я-то думаю — откуда камушков столько? Всю неделю выметаю. А это, оказывается, сокровища! Вот оно что!

И обе они смеются.

Ну, раз мама смеется — значит, за колготки не отругает.

— Мама! — я выхожу из-за двери.

— Наташа? Уже встала?

— А я знала, что ты здесь.

— А-а... Голос мамин услышала. Ну, одевайся, раз проснулась, — говорит мама. — Домой пойдем.

И мы идем домой. А я даже не иду, а подпрыгиваю. Потому что сегодня меня раньше всех забрали.

А ещё потому, что Дяденьку моего Светлого опять увидела. Ну и что же, что во сне...

— Говорила я тебе — не бери ты в садик свои камушки. Говорила?

— Да.

— Так ты не послушалась. Видишь теперь — через неделю они уже и не нужны никому.

— А почему?

— Это только тебе они дороги. Ты ведь на море-то была. Ты, а не ребята твои. Ты, когда берешь их в руки — сразу море вспоминаешь. Так ведь?

— Так.

— А когда ребята ваши их в руках держат, они ничего вспомнить не могут. Так?

— Да.

— Вот потому для тебя они — сокровища. А для всех прочих — мусор. Поиграли и забыли. Понятно?

— Ага.

— Так стоило ли и нести такую тяжесть? Стоило раздавать-то? А, Наташа?

— Стоило! — говорю я.

«Здесь даже один день как у нас — много. И этот день им подарила ты», — так мне Дяденька мой Светлый сказал. И я Ему верю. Даже во сне.

Но маме я про Него не расскажу. А то опять глупой обзываются будет.

А когда мы домой пришли, мама коробочку из-под туфель открыла. А там — и ракушки-башенки, и стеклышки, которые море облизало. И еще камушки: беленькое с блестками, как комочек снега; черное в крапинку, как яйцо; красненькое в полосочку, будто на него нитки намотали; и плоское с рисунками непонятными.

Как раз такие мне Дяденька Светлый во сне подарил.

— Мама! А это откуда? Кто тебе дал?

Я спрашиваю, а сердце у меня так и прыгает, так и колотится!

Но мама отвечает совсем не то, про что я подумала:

— Никто не дал. Просто я из твоего чемоданчика самое красивое потихонечку отложила. И тебе не сказала. Иначе все твои сокровища так и очутились бы в мусоре. Поняла, дурочка ты моя?

Рыбинск, 2012